Древне-кіевскій говоръ.

I.

Въ I выпускѣ «Извѣстій» за 1905 годъ г. Соболевскій выступилъ со статьей: «Древне-кіевскій говоръ» (стр. 308—323), въ которой онъ старается увѣрить читателей, будто древне-кіевскій говоръ ближе стоялъ къ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ.

Я имѣю въ виду остановиться только на нѣкоторыхъ, именно—на болѣе новыхъ, частяхъ этой статьи, а не на всей, и на то есть причины. Оспаривать статью г. Соболевскаго въ цѣломъ была бы работа совершенно излишняя, совершенно ненужная и совершенно безполезная, потому что г. Соболевскій почти сплошь повторяетъ въ ней все тѣ же соображенія, которыя онъ выставилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Неосновательность всѣхъ тогда имъ выставленныхъ соображеній была ужъ всесторонне обнаружена и выдающимися историками и филологами, причемъ среди именъ филологовъ, отвергшихъ мысль г. Соболевскаго, можно назвать два такихъ глубоко-авторитетныхъ имени въ дѣлѣ изученія славянорусской филологіи, какъ акад. Шахматовъ и акад. Ягичъ (патріархъ-глава всѣхъ современныхъ славяновѣдовъ). Г. Соболевскій, повторяя теперь въ «Извѣстіяхъ» свои старыя, ясно опровергнутыя наукою, соображенія, не только не постарался опровергнуть сперва доводы своихъ обличителей, — уче-

ныхъ, авторитетныхъ историковъ и филологовъ;—но напротивъ: онъ вновь повторяетъ все тѣ же старыя свои соображенія съ такимъ видомъ, какъ будто и не знаетъ, что они давно опровергнуты. Вотъ почему нѣтъ необходимости вторично ихъ оспаривать: лучше прямо отослать читателя къ литературѣ предмета [1]).

Замѣчу развѣ, что г. Соболевскій по прежнему предлагаетъ изучать старо-кіевскій говоръ не по подлиннымъ кіевскимъ памятникамъ, а по такимъ недостовѣрнымъ, какъ Мстиславова грамота ок. 1130 г., которую въ другомъ случаѣ самъ же г. Соболевскій признавалъ за «*несомнѣнно* писанную *въ Новгородѣ*» [2]), или какъ Юрьевское Евангеліе, написанное *въ Новгородѣ* между 1119—1128 г. монахомъ *Новгородскаго* Юрьевскаго монастыря для монастырскаго употребленія, или какъ Тріодь *новгородца* Моисея Кіянина XII—XIII в., полная явныхъ особенностей мѣстнаго *новгородскаго* нарѣчія, и т. п., и т. п. Включивши такую Тріодь новгородца Моисея Кіянина въ число кіевскихъ памятниковъ, г. Соболевскій нарушилъ въ данномъ случаѣ даже свое собственное правило: «Для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи *ни новгородскихъ*, ни галицко-волынскихъ особенностей» [3]). Впрочемъ и самое правило возбуждаетъ недоумѣнія: въ силу того шаткаго принципа, который выставленъ здѣсь г. Соболевскимъ, предоставляется искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, утверждать, что старо-кіевскій говоръ былъ не малорусскій!

Правда, г. Соболевскій въ «Извѣстіяхъ» касается и подлин-

---

1) Она указана у Пыпина въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ его «Исторіи русской литературы». Въ своей «Филологіи и Погодинской гипотезѣ» (Кіевъ, 1904, гл. I) я тоже далъ обзоръ главнѣйшихъ работъ по этому вопросу.

2) А. Соболевскій: Изслѣдованія въ области русской грамматики (Варш. 1881), стр. 4.

3) Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, февр., стр. 356.

ныхъ старо-кіевскихъ памятниковъ, каковы Изборники Святослава 1073 и 1076 г.; но въ этомъ случаѣ онъ скрываетъ ихъ наиболѣе оригинальныя, типично-малорусскія особенности (сюда относится смѣшеніе ѣ съ і, параллельное со смѣшеніемъ прежняго и съ ы) [1]), а вмѣсто того онъ останавливается лишь на одной менѣе характерной ихъ особенности, причемъ голословно, мимоходомъ, пытается отвергнуть ея малорусскость, не называя даже именъ тѣхъ ученыхъ изслѣдователей, которые эту особенность указали какъ малоруссизмъ. Такою особенностью является смѣшеніе *в* съ *у*; по ея поводу г. Соболевскій заявляетъ небрежно, даже не въ текстѣ, а въ петитной сноскѣ: «Видѣть замѣну *у* черезъ в и наоборотъ въ такихъ обычныхъ ц.-слав. словахъ, какъ *в*згодьнъ, *у*селеная, *у*селити,—можно только при незнакомствѣ съ церк.-слав. языкомъ» (стр. 317). Это пренебрежительно произнесенное обвиненіе въ незнакомствѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ направлено противъ кого же?—противъ акад. Ламанскаго [2]), противъ акад. Срезневскаго [3]) и

1) Само по себѣ смѣшеніе звука ѣ съ і не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе, и въ новгородскихъ рукописяхъ смѣшиваются буквы ѣ и и); но для кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года характерно то, что смѣшеніе звука ѣ съ і (т. е. буквъ ѣ и и) проявляется въ нихъ параллельно со смѣшеніемъ и съ ы. Вѣдь ясно, что, какъ-только предки малоруссовъ начали смѣшивать звукъ ѣ съ і, то звукъ и одновременно долженъ былъ у нихъ звучать потверже, чтобы отличаться отъ і, а не быть съ нимъ тождественъ. Предположить же, что звуки ѣ и и могли въ какой-нибудь періодъ оказаться у малоруссовъ тождественны, нельзя потому, что въ такомъ случаѣ послѣ XIV-го вѣка, когда у малоруссовъ звуки и и ы окончательно слились въ одинъ твердый звукъ, тогда старинный звукъ ѣ тоже долженъ былъ бы обратиться въ такой же твердый звукъ, и малоруссы теперь говорили бы не «лїто» (=лѣто), а «лыто». Вотъ почему, если писцомъ какой-нибудь рукописи, смѣшивающей букву ѣ съ и, мы предполагаемъ малорусса, то мы естественно можемъ ждать, что гдѣ-нибудь этотъ писецъ смѣшаетъ также буквы и и ы. Кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года какъ-разъ принадлежатъ къ памятникамъ такого типа.

2) В. Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями, Спб. 1864, стр. 92 (=Приложеніе къ VI тому «Записокъ Императорской Акад. Наукъ»).

3) И. Срезневскій: Славяно-русская палеографія, Спб. 1885, стр. 115.

противъ акад. Ягича [1]), т. е. какъ-разъ противъ главныхъ столповъ славяновѣдѣнія! Такой способъ г. Соболевскаго отвергать нежелательное ему утвержденіе можетъ ли считаться опроверженіемъ?—отвѣтъ на это легко дастъ даже малоосвѣдомленный читатель. А болѣе освѣдомленный вспомнитъ, что провозглашенные г. Соболевскимъ за невѣждъ славяновѣды-авторитеты признавали старо-кіевское «въгодьникъ» и «ѹселеная» за звуковое смѣшеніе съ «ѹгодьникъ» и «въселеная» вовсе не по своему личному произволу и не по незнакомству съ церк.-славянскимъ языкомъ, но напротивъ — въ силу *чрезвычайно близкаго* своего знакомства съ церк.-слав. языкомъ. Они, разумѣется, очень и очень хорошо знали, что написаніе «въгодьникъ» и «уселеная» встрѣчается наряду съ «оугодьникъ» и «въселеная» не только въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, но и въ церковно-славянскихъ памятникахъ; — однако почему они не могли отнестись къ нему иначе, какъ къ результату смѣшенія *въ* и *у*? Да потому, что и въ церк.-славянскихъ памятникахъ вообще констатируются случаи несомнѣннаго смѣшенія звуковъ *въ* и *у*, такого же, какое было и у старыхъ кіевлянъ-малоруссовъ. Тѣмъ авторитетнымъ славяновѣдамъ, которыхъ свысока третируетъ г. Соболевскій, были очень хорошо извѣстны написанія «въгодьникъ» и «ѹселеная» напримѣръ въ Супрасльской рукописи,—извѣстны значительно раньше, чѣмъ ихъ узналъ г. Соболевскій [2]); но они знали также, что въ Супрасльской рукописи есть и написаніе «ѹ остатъкы (321^{15}), а потому понимали, что Супрасльское «въгодьникъ» есть результатъ звукового смѣшенія *въ* и *у*[3]). Оттого встрѣ-

1). И. Ягичъ: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 84 (изъ «Сборн. Акад. Н.»).

2) Срв. у В. Ламанскаго: О слав. рукоп., стр. 92 (1864 г.).

3) По этой же причинѣ и многіе другіе очень заслуженные слависты приходили къ такому же заключенію. Такъ, и А. Будиловичъ призналъ формы «*у*селеная» и «*въ*годникъ» за результатъ звукового смѣшенія *в* и *у* («Изслѣд. языка XIII словъ Григ. Богослова по рукоп. XI вѣка», стр. 24), потому что въ томъ памятникѣ, который имъ изданъ, констатируются и другіе случаи смѣшенія въ и ѹ (Напр., на л. 143-мъ слова́ Пилата: «еже *у*писалъ есмь, *въ*писахъ», quod scripsi, scripsi).

чая аналогичныя написанія въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., чередующіяся рядомъ въ двухъ сосѣднихъ строкахъ, эти авторитетные славяновѣды не колебались видѣть въ нихъ проявленіе того самого звукового смѣшенія *в* и *у*, какое свойственно, между прочимъ, и малорусской рѣчи. И это — тѣмъ правильнѣе, что въ Изборникахъ Святослава эти славяновѣды несомнѣнно знали и другіе случаи проявляющейся наклонности смѣшивать звуки ѹ и въ, — случаи, о которыхъ г. Соболевскій совсѣмъ умалчиваетъ [1]). Это во-первыхъ. А во-вторыхъ г. Соболевскій своей постановкой вопроса о старокіевскомъ смѣшеніи или несмѣшеніи звуковъ *в* и *у* извратилъ основную мысль тѣхъ изслѣдователей старо-кіевскаго говора, которые за старо-кіевскимъ говоромъ признавали такое смѣшеніе. Вѣдь главную и характерную черту малорусскости кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 филологи видятъ вовсе *не* въ фактѣ смѣшенія звуковъ *в* и *у*: для нихъ это одна изъ *побочныхъ* малорусскихъ чертъ [2]); *главный* же признакъ старокіевской малорусскости XI вѣка—это тотъ, о которомъ, какъ я выше отмѣтилъ, г. Соболевскій совершенно умалчиваетъ въ своей статьѣ. Этотъ признакъ, повторяю, есть смѣшеніе буквъ ѣ и и (т. е. звуковъ ѣ и і), одновременное со смѣшеніемъ и и ы. Упомянутая особенность есть тотъ maximum спеціально-малорусской фонетики, какого мы смѣемъ ждать отъ малорусской рѣчи XI вѣка; и разъ она проявляется въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., то надо признать,

1) Имя царя Навуходоносора является въ Изборникѣ 1073 г. то въ видѣ «Наѹходоносоря» (напр. л. 144), то тутъ же рядомъ въ видѣ «Навъходоносора» (л. 143 об., два раза; см. еще л. 97, л. 146). Можно указать подобное явленіе и въ нѣкоторыхъ другихъ начертаніяхъ этого Изборника. См. мою «Украинскую грамматику», § 13, г.

2) Про себя лично могу напомнить, что я назвалъ эту черту въ старо-кіевскомъ говорѣ даже лишь «зачаточной». См. «Филологія и Погодинская гипотеза» (Кіевъ 1904), стр. 60; «Украинская грамматика», § 13, г. Она и не могла быть иною, чѣмъ зачаточною, въ виду почти полной сохранности глухихъ звуковъ XI в.

что эти памятники *вполнѣ* отразили тогдашнюю типичнѣйшую кіевскую малорусскость XI вѣка [1]). Что касается самой важной

---

1) Отразились въ Изборникахъ Святослава, конечно, и другія черты тогдашней малорусской фонетики, но тѣ черты уже не такъ характерны, — хотя, разумѣется, въ своей совокупности онѣ важны тѣмъ, что рельефнѣе очерчиваютъ старо-кіевскую малорусскость. Сверхъ оспариваемаго г. Соболевскимъ смѣшенія звуковъ ѣ и *у*, старые кіевляне звали растяженіе звука *е* въ *я* передъ мягкими слогами;—какъ нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ: «кришаник», «ямлю» и пр., такъ и въ Изборникѣ 1073 пишется: «кажаника» 262, «поямлються» 212, «Елисавять» 254 об. и пр. Замѣчалась у старыхъ кіевлянъ XI вѣка наклонность къ усиленію корня *зъл* въ *зол*; нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ «дозолити комусь», дозоляти комусь» (=досаждать), «золбк» (=самый больной пунктъ раны, опухоли и т. п.), а въ Изборникѣ 1073 встрѣчаемъ: «золоба» 94, 105, 113 и пр. Послѣ шипящихъ и йоты передъ твердыми слогами звукъ *е* обращался въ Кіевѣ XI вѣка въ *о*;—какъ нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ «чоловік», «жона», «з Млйова», такъ и кіевскіе Изборники писали: «чоловѣка» (Изборн. 1073 г., л. 179 д), «жона» (Изборн. 1076 г., л. 181 б), «Василиово», «Еуномиову» (Изб. 1073, л. 124 об., л. 243 об.). Неударное *о* по сосѣдству съ *у* уподоблялось ему; — какъ теперь подъ Кіевомъ мы слышимъ «з дóбрую дівчиную», такъ и въ Изборникѣ 1073 г. находимъ: «съ женою язычьною и которивоую» (л. 170), «божьскоую силою» (л. 245), «умьноую мыслью» (л. 132); по этому же закону неударный суффиксъ *ов* (или *йов*) обращался въ *ув* (или *юв*), какъ и теперь въ Кіевщинѣ: срв. въ Изб. 1073 г. «по Арию ву» (л. 243 об.); по тому же закону Августинъ обращенъ въ Изб. 1073 въ «Оугуствна (л. 127). Способность нынѣшней Кіевщины XX вѣка пропускать звукъ *г* въ глаголахъ «розгнівати», «згинити», «грішити» датируется и въ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка, гдѣ мы находимъ: «разнѣвавъся (1073 г. л. 145 об., срв. еще л. 99), «изниєть» (Изб. 1076, л. 237), «сърѣшу» (л. 1 об., по чтенію Буслаева). Звукъ *г* кіевской рѣчи XI в. могъ служить придыхательнымъ призвукомъ, который способенъ былъ опять отпадать и, по аналогіи, увлекать за собою даже коренное начальное *г* и способенъ былъ также чередоваться съ призвуками *й* и *в* (см. мою «Украинскую грамматику», § 14, б). О чередованіи задненебныхъ *г* и *к* съ зубными *д* и *т*, типичномъ какъ для кіевскаго нарѣчія XI в., такъ и для нынѣшняго нарѣчія Кіевщины, будетъ у насъ рѣчь ниже (гл. III); сюда же относится и спеціально-малорусская лѣтописная форма имени «Дюрдій» вмѣсто «Георгій». Въ строѣ губныхъ звуковъ мы по Изборникамъ Святослава уже видимъ въ Кіевѣ XI вѣка нынѣшнее чередованіе звукосочетаній *мн* и *вн* и рядъ другихъ современныхъ кіевско-малорусскихъ явленій (см. «Украинск. грамм.», § 13). Видимъ мы по кіевскимъ Изборникамъ XI в. огромное совпаденіе съ фактами нынѣшней кіевской рѣчи также въ строѣ плавныхъ («Украинск. грамм.», § 11), включая сюда восточно-малорусское отвердѣніе звука р въ однихъ случаяхъ и умягченіе его въ другихъ случаяхъ, причемъ и Навуходоносоръ (какъ и теперь въ Кіевщинѣ) обращается по Изборникамъ Святослава въ «Науходоносоря» (срв. Изб. 1073, л. 144). Можно бы

особенности нынѣшней малорусской рѣчи, а именно — замѣстительнаго удлиненія звуковъ о и е передъ слогами съ потерянными глухими и обращенія ихъ въ дифтонги или въ і (срв. кінь, шіст), то въ XI вѣкѣ этой малорусской черты еще быть не могло по той существенной причинѣ, что глухіе звуки ъ и ь были тогда, какъ извѣстно, почти въ полной сохранности и еще не пали[1]); слѣдовательно слова́ конь и шесть произносились тогда у кіевлянъ, въ XI вѣкѣ, не съ удлиненными гласными звуками о и е, а съ обыкновенными, и искать намъ въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка какіе-нибудь признаки существованія замѣстительной долготы, возникшей *позже* XI вѣка, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно.

Сдѣлавши оговорку по поводу способа обращенія г. Соболевскаго съ кіевскими Изборниками Святослава 1073 и 1076 г. я вновь долженъ заявить, что *всѣхъ* тѣхъ старыхъ, избитыхъ пріемовъ г. Соболевскаго, которыми онъ опять желалъ бы поддержать свою гипотезу о немалорусскости древняго Кіева, я разсматривать здѣсь не буду, разъ они уже всецѣло опровер-

---

и еще указать здѣсь огромный рядъ звуковыхъ діалектическихъ совпаденій кіевской рѣчи XI в. съ нынѣшней кіевской, но по недостатку мѣста я отсылаю читателя къ своей «Украинской грамматикѣ», особенно къ главамъ III—IV («Очеркъ звуковой системы лѣтописнаго кіевско-черниговско-переяславскаго нарѣчія XI вѣка»). Дополнительный матеріалъ ко всему этому, со множествомъ примѣровъ и со ссылками, см. у меня въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. 51—61, 68 и XV—XVI. Туда добавить можно тѣ печатные примѣры на употребленіе глагола «дозолятн» (внесеннаго, впрочемъ, и въ словарь Желеховскаго), которые можно прочитать, напр., въ кіевскомъ юбилейномъ сборникѣ въ честь столѣтія Энеиды Котляревскаго (стр. 117) и въ кіевскомъ журналѣ «Шершень» (1906, № 3, стр. 7). Повторяю однако, что все это черты мелкія, побочныя, не исключительно даже малорусскія; интересны онѣ только въ своей совокупности, какъ иллюстрація совпаденія нынѣшней фонетики Кіевщины съ фонетикой XI вѣка.

[1]) Съ особой обстоятельностью эта сохранность глухихъ XI вѣка показана въ статьѣ Н. Волкова: «Къ исторіи русскаго языка» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, янв., стр. 214—221). Изученіе ритмики «Слова о полку Игоревѣ», произведенное акад. Ѳ. Е. Коршемъ (лучшимъ авторитетомъ въ этой области), показываетъ, что даже въ концѣ XII-го вѣка глухіе гласные вост.-мр. нарѣчія были еще очень сохранны, и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ они ужъ пали.

гнуты многими солидными учеными. Въ нынѣшней статьѣ я имѣю въ виду одно: разсмотрѣть только тѣ соображенія г. Соболевскаго о мнимомъ великоруссизмѣ древнихъ кіевлянъ, которыя онъ считаетъ возможнымъ почерпнуть изъ языка Начальной и Кіевской лѣтописи, потому что эти доводы могутъ въ большей или меньшей степени считаться еще новыми, неразсмотрѣнными. Мы увидимъ, что и новые эти доводы г. Соболевскаго столь же малоцѣнны и фактически ложны, какъ и предыдущіе.

II.

Останавливаясь на языкѣ «Начальной Лѣтописи», г. Соболевскій говоритъ: «Прежде всего въ Начальной и Кіевской лѣтописяхъ, при обиліи уменьшительныхъ собственныхъ именъ разнаго рода, мы замѣчаемъ отсутствіе уменьшительныхъ [*NB.* болѣе поздняго. *А. Кр.*] типа Сте*ц*[ь]ко, *Яц*[ь]ко, Гри*ц*[ь]ко, Гри*ць*, которыя обычны въ галицкихъ грамотахъ XIV — XV вв. (на русскомъ и на латинскомъ языкахъ) и въ современныхъ малорусскихъ говорахъ» [1]).

Въ отвѣтъ на это надо сказать: такихъ уменьшительныхъ не было также и въ Галичинѣ до XIV—XV вѣка,—напримѣръ, ихъ нѣтъ въ Галицко-Волынской лѣтописи. И вполнѣ понятно, почему это такъ: потому что малорусскія имена на *цько* появились у малоруссовъ лишь подъ польскимъ вліяніемъ, а польскаго вліянія не зналъ не только старый Кіевъ, но и старая Галичина. Когда же Галичина попала во власть къ полякамъ, въ ней тогда и завелись имена вродѣ «Стецько», «Яцько» и т. п.: они представляютъ собою уменьшительныя польскаго (вѣрнѣе—вообще западно-славянскаго) типа «Сте*ць*», «*Яць*» и пр. съ при-

---

1) Извѣстія, 1905, кн. I, стр. 319.

бавленіемъ обычнаго малорусскаго (и общерусскаго) окончанія *ко* [1]). Только съ XIV — XV вѣка они и появляются въ галицкихъ грамотахъ,—гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ и нашелъ г. Соболевскій [2]).

III.

Далѣе г. Соболевскій продолжаетъ: «Затѣмъ въ Кіевской лѣтописи (какъ по Ипатскому, такъ и по другимъ спискамъ) собственное имя звучитъ *Дюрдь*, *Дюрдий*, *Дюргь*, изъ *Гюргь*, *Гюргий*, со смягченіемъ *г* въ *д* (рядомъ книжная форма *Георгий* и старая народная *Юргий*).... Ни галицко-волынскіе памятники XII—XIV вѣка, ни галицкія грамоты XIV—XV вѣковъ, ни современные малорусскіе говоры [будто бы?! *А. Кр.*] не знаютъ смягченія *г* въ *д*, какъ и *к* въ *т*, ни въ этомъ, ни въ однородныхъ словахъ. Новгородскіе, средне-русскіе, западно-русскіе памятники всѣхъ временъ не знаютъ имени *Георгій* ни въ одномъ изъ его варіантовъ со звукомъ *д*. То же можно сказать о современныхъ русскихъ говорахъ» [3]).

---

1) Процессъ соединенія малоруссами какого-нибудь чужого заимствованнаго уменьшительнаго имени со своимъ роднымъ малорусскимъ суффиксомъ *ко* всякій можетъ и сейчасъ свободно наблюдать. Каждому, конечно, случалось слышать, кáкъ разбогатѣвшій простой малоруссъ начинаетъ титуловать своего сына, положимъ Георгія: «Жоржко»,—на томъ основаніи, что въ сосѣдней панской семьѣ паничъ-Георгій назывался уменьшительно «Жоржъ».

2) Имена польскаго типа «Яцъ», «Стецъ» могли безъ всякаго труда привиться у галичанъ, а затѣмъ въ большей или меньшей степени и у всѣхъ прочихъ малоруссовъ (кіевлянъ и др.) потому, что отъ стариннѣйшихъ временъ у южноруссовъ ужъ имѣлась *своя собственная* наклонность образовывать уменьшительныя именныя формы довольно сходнаго съ этимъ типа: ва ь. Такъ, въ старомъ Кіевѣ вмѣсто «Михаилъ» говорилось «Михáль» (см. Лаврент. списокъ, стр. 185, 301; Ипат. сп., 134), вм. «Иванъ»—«Янь» (Лавр. 171; Ипат. 123; Лавр. 205, Ипат. 148).—Кстати будетъ вспомнить г. Соболевскому, что старо-кіевскіе «Михаль» и «Янь» сами по себѣ ужъ сравнительно типичныя малорусскія формы.

3) «Извѣстія», указ. м., стр. 319.

Въ дополненіе къ этой цитатѣ изъ статьи г. Соболевскаго мы приведемъ также одно мѣсто изъ его «Лекцій», гдѣ онъ, отмѣтивши между прочимъ въ описаніи Кіевскаго замка XVI вѣка форму «Овду*тья*» (вм. «Овдо*кья*» [1]), произноситъ слѣдующее совсѣмъ невѣрное утвержденіе: «Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственныя имена съ переходнымъ смягченіемъ гортаннымъ: Овдо*тья*, Мар*тья*нъ (=Мар*кі*анъ)» и т. д. [2]).

Какъ я при самомъ цитированіи отмѣтилъ, всѣ эти утвержденія г. Соболевскаго сплошь не вѣрны. Въ отвѣтъ на его смѣлое заявленіе, будто «современные малорусскіе говоры не знаютъ смягченія *г* въ *д* ни въ «Дюрдий», ни въ однородныхъ словахъ», я ему укажу, что не далѣе какъ въ той же Кіевской губерніи, гдѣ лѣтописцы писали «Дюрдий», особый родъ ожерелья и теперь называется: или «ґерданки́» (слово персидское), или «*дь*орданки́»; это же слово, кстати сказать, извѣстно и въ Галичинѣ въ видѣ двухъ чередующихся фонемъ: «ґерда́н» и «*дь*ордя́н» [3]). Что касается появленія звука *д* спеціально въ имени «Георгій», то сверхъ Кіева мы это имя со звукомъ *д* находимъ какъ разъ лишь *въ Галичинѣ*, и оно тамъ сохранялось никакъ не меньше, чѣмъ до конца XV-го столѣтія. По крайней мѣрѣ въ буковинской грамотѣ 1471 г. мы еще встрѣчаемъ: «*Д*іорь*д*ия» [4]).— Равнымъ образомъ, если г. Соболевскій полагаетъ, будто «Овду*ть*я» и «Мар*ть*янъ» — это не по-малорусски, то я ему могу сообщить, что эти имена, со звукомъ *т*, и сейчасъ продолжаютъ существовать какъ въ Кіевщинѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ малорусской территоріи, къ западу ли, къ востоку ли отъ Кіевщины. Про имя «Овдо*т*ія» мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ

---

1) Архивъ Юго-Зап. Россія, VII, I.

2) «Лекціи» (изд. 1903), стр. 131.

3) Отмѣчено и словаремъ Желеховскаго; см. т. I, стр. 198, б. См. еще I, 168, со ссылкою на «Pokucie» Кольберга I, 38, 40.

4) Грамота 1471 г. издана А. Кочубинскимъ въ 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (СПБ. 1892), стр. 249.

оно было въ семьѣ волынско-подольскаго князя Андрея Владиміровича (Ольгердова внука) [1]); въ южно-русскомъ Дубенскомъ (т. е. волынскомъ) Евангеліи XVI в. Румянц. музея есть, какъ случайно проговорился самъ г. Соболевскій [2]), начертаніе: «Оудо*ті*и»; галичанинъ, чуждый всякаго русскаго вліянія, проф. Ом. Огоновскій, до такой степени свыкся съ малорусскимъ именемъ «Авдо*тя*», что считалъ его даже *исключительно* малорусскимъ (!), а не общерусскимъ [3]); укажу также, что пятнистая болотная рыбка, называемая въ южной Украинѣ «явдошкою», въ сѣверной Кіевщинѣ называется «овдю*тк*а» или «овдо*тк*а» (у галичанъ «авдо*тк*а») [4]). Также и по поводу имени «Мар*т*ьянъ» сообщу г. Соболевскому, что имя «Мар*тя́*н» (равно какъ и имя «Маркія́н») онъ можетъ услышать на всемъ пространствѣ малорусской территоріи, — такъ же какъ и происходящую отсюда фамилію «Мартяненко».

Да и кáкъ можетъ быть иначе! Все это вѣдь — частичныя проявленія *общаго* фонетическаго малорусскаго закона, по которому мягкіе *т* и *д* (теперь во многихъ случаяхъ успѣвшіе у малоруссовъ ужъ и отвердѣть) смѣшиваются съ *к* и *г* [5]). Заслуженный славяновѣдъ В. И. Ламанскій еще сорокъ лѣтъ тому назадъ подчеркнулъ эту малорусскую фонетическую особенность и обратилъ вниманіе на такія малорусскія фонемы, какъ «*кі*ло» (=тѣло),

---

1) Въ 1446 году онъ пріѣзжалъ на богомолье въ Кіевъ и составилъ тамъ свою духовную, которую издалъ и Я. Головацкій въ своихъ «Памятн. диплом. и судебно-дѣлов. яз. рус.» (Львовъ 1867), стр. 60—62. См. тамъ стр. 61: «дочьцѣ своей княжнѣ Овдотіи». Подлинникъ—въ Румянцевскомъ музеѣ.

2) «Лекціи» (1903), стр. 131.

3) Em. Ogonowski: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880), стр. 65.

4) По крайней мѣрѣ въ такой формѣ (съ начальнымъ *a*) это названіе сообщено у Желеховскаго («Словарь», т. I, стр. 1).

5) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» § 14, в. Въ силу, быть можетъ, нефонетическихъ аналогій чередоваться могутъ и *твердые* зубные съ твердыми задненебными, по сосѣдству съ плавными. Срв. еще въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «гъргыи» (л. 90), гдѣ впрочемъ сочетаніе гъ могло быть и полумягкимъ, и въ Супрасльской рукописи: «когратъ» (89,7). Срв. еще въ полабскомъ языкѣ: don*d*a (=джга).

«*к*істо» (=тѣсто), «*к*'яжко» (=тяжко) [1], — и, дѣйствительно, у многихъ малоруссовъ (не исключительно въ предѣлахъ Кіевщины, но и въ другихъ мѣстахъ) эта особенность до того сильно внѣдрилась въ произношеніе, что у нихъ, передъ мягкими гласными, совсѣмъ стерлась разница между *к* и *т*; даже когда нарочно просишь ихъ произнести появственнѣе, напримѣръ, «тїсний», «тїсто» и т. п., они невольно произносятъ только «*к*існий», «*к*істо» [2]). Заимствовавши отъ турокъ слово «тебійет» (=природныя способности; арабск. طبيعة), они его передѣлали въ «*к*ебета» (что мы находимъ и у Шевченка). Въ Полтавщинѣ смѣшеніе задненебныхъ и зубныхъ распространено до того сильно, что авторъ новѣйшей полтавской «Короткої граматики української мови» счелъ нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ употребленія такихъ «покручених» словъ, кахъ «*к*істо» (=тїсто), «*к*існий» (=тїсний), «*к*ля» (=для) [3]). Полтавская пословица гласитъ: «Голова знає, та руки не *к*ягнуть (=тягнуть)» [4]). Городокъ Константиноградъ выговаривается полтавцами за «Кось*к*янтиноградъ». «Гаківни́ця» (родъ пушки) произносится ими за «га*т*івниця» [5]). Деревянный стулъ называется въ Полтавщинѣ, Черни-

---

1) Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, стр. 89.

2) Явленіе это наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Каврай (по новому оно же—Троицкое) возлѣ м. Ирклѣева Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи. Это ужъ было мною своевременно указано въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. XIX. Извѣстный малорусскій писатель Б. Д. Гринченко сообщалъ мнѣ, что въ Богодуховскомъ и въ Харьковскомъ уѣздахъ Харьковщины онъ до того свыкся съ мѣстнымъ произношеніемъ «кіло», «кісто» в т. п. (вм. «тїло», «тїсто» и т. п.), что приходилось для контроля слѣдить *и* за своимъ собственнымъ произношеніемъ. Въ очень интересныхъ письмахъ крестьянъ къ нему, которыя онъ обнародовалъ недавно въ журналѣ «Нова Громада» 1906, VII, мы встрѣчаемся съ такими написаніями, какъ «запорожцї прекісьняли» (стр. 56;= притѣсняли).

3) П. Залозний: Кор. грам. укр. мови, Полтава 1906, стр. 15.

4) Записана въ с. Грунь Зѣньковскаго уѣзда. См. В. Василенко: «Опытъ толков. словаря народн. технич. терминологіи по Полт. губ.», Харьк. 1902 (отт. изъ 13-го т. «Сборн. Ист.-Филол. Общ.»), стр. 77.

5) Срв. начертаніе «га*т*ынныця» изъ полтавской Переяславщины—«Кіевск. Стар.» 1906, май—іюнь, стр. 200. Твердость звука *т* (вѣдь слогъ «*ты*» надо читать здѣсь, какъ твердоватое *тi*) объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мо-

говщинѣ и сѣв. Кіевщинѣ «дзиґлик» (польск. zed*l*ik, zed*e*l = скамья, срв. нѣм. Siedel). Въ этомъ словѣ всегда слышится мгновенно-звонкое ґ, но въ другихъ словахъ можетъ вмѣсто *д* одинаково слышаться какъ звукъ ґ (лат. g), такъ и звукъ *г* (=*h*); напр. предлогъ «для» обращается въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ Украины безразлично то въ «ґля», то въ «*hля*», даже въ устахъ одного и того же лица. Подъ Звенигородкой Кіевской губ. неграмотные люди выражаютъ понятіе «жалостный» черезъ «ґраматичний» (=драматичный)[1]), произнося это слово только со звукомъ g; но мѣстныя фамиліи «*Г*ігенко» и «Горгієнко» [2]), внесенныя съ буквою *г* даже въ оффиціальные документы и, слѣдовательно, получившіе такой свой звуковой видъ давно уже, произносятся только съ *h*; обыкновенная же малорусская форма этихъ фамилій—«*Д*іденко» и «*Г*ор*д*ієнко». Тамъ же въ Звенигородкѣ Кіев. губ. очень извѣстная фамилія, пишущаяся «Маг-

---

нофтонгъ *і* (изъ удлинившагося *о*) выработался въ Переяславщинѣ очень неданно, а до того времени здѣсь произносили твердый дифтонгъ *уи*. По свидѣтельству Шафонскаго 1786 г. въ его «Топографич. описаніи Черниг. намѣствичества» (изд. въ Кіевѣ 1857, см. § 12 и § 5) оказывается, что даже въ концѣ XVIII вѣка переяславцы еще не успѣли выработать звука *і*, а произносили удлиненное *о* близко къ *у*. (Западные же малорусы, какъ извѣстно изъ памятниковъ, успѣли переработать дифтонгъ $\widehat{уо}$, $\widehat{уи}$ въ монофтонгическое *і* еще въ XVI в. Кстати сказать,—въ противность утвержденію г. Соболевскаго, высказанному на стр. 313-ой «Извѣстій»,—всякій, кто знаетъ малорусскую діалектологію и исторію малорусскаго языка, *обязанъ* признать, что звукъ *і* вырабатывался въ западномъ и въ восточномъ малорусскомъ нарѣчіи (въ Львовѣ и въ Кіевѣ) самостоятельно, независимо другъ отъ друга (поскольку можно говорить о полной взаимной независимости при постоянныхъ сношеніяхъ Львова съ Кіевомъ) и въ разное время въ разныхъ говорахъ. Правда, филологовъ, которые подумаютъ такъ, г. Соболевскій заранѣе исключаетъ изъ числа «сколько-нибудь образованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ» (стр. 313, сноска);—но я съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ *спѣшу* войти въ разрядъ этихъ (по г. Соболевскому) «совсѣмъ необразованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ», что уже нахожу въ ихъ числѣ незабвеннаго акад. Потебню, создателя исторіи русскаго языка, и акад. Ѳ. Е. Корша, всемірное свѣтило лингвистики.

1) Записано мною между прочимъ отъ пастушки Свистілничихи, живущей въ предмѣстьи «Червоной». Однако «граматка» она произноситъ съ *h*, а не съ *g*. По ея объясненію: «ґраматичний—жалісливий».

2) Родомъ онѣ изъ средней Кіевщины.

денко», сплошь да рядомъ произносится за «Ма́дьдэнко» (съ такимъ дь, которое приближается къ *й*, но не есть *й*). Въ сѣверной и средней Украинѣ особая сумка называется какъ «*к*айстра» (=лат. canistrum), такъ и «*т*айстра», — въ особенности на Полѣсьи. Вообще на Полѣсьи это явленіе—одно изъ самыхъ обычныхъ [1]). Тамъ же на Полѣсьи вмѣсто «ковтни», «ковтнїть» выговариваютъ «ков*к*ни», «ков*к*нїть» (= повел. н-ніе отъ глагола «ковтнути»—«проглотить») [2]). Тамъ же на Полѣсьи, да и вообще во всей сѣверо-восточной Волыни, спутались по этой причинѣ энклитическія частицы (союзы) «*-ке*» и «*-те*»; а такъ какъ онѣ, кстати сказать, часто произносятся тамъ съ расширеніемъ (*кä* и *тä*), то съ ними смѣшался еще и соединительный неэнклитическій союзъ *та* (= да, и) [3]). Имя одного мѣстечка въ Черниговщинѣ подъ Нѣжиномъ выговаривается и «Вер*т*ïївка» и «Вер*к*ïївка [4]). Очень распространены и въ Кіевщинѣ и въ Черниговщинѣ формы «дя*к*іл» и «я́*к*іл» вм. «дя́*т*іл» (=дятелъ) и уменьшительныя «дя́клик»

---

1) Извѣстная украинская литературная семья Косачей (Леся Українка, Олена Пчілка и др.) обратила мое вниманіе на то, что произношеніе типа «кіло», «кісто» слышится и у нихъ въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ,—напр., въ ихъ родовомъ селѣ Колодяжномъ возлѣ мѣстечка Мирополье.

2) См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ «Спліотни» полѣшука М. Семевюка (Житомиръ, 1872), стр. 29: «ковкни слинку».

3) Тамъ, напримѣръ, вмѣсто «йдіть і ви-ке додому» говорятъ: «йдіть і ви-те додому», чему, конечно, содѣйствуетъ и вліяніе глагольной аналогіи. (См. много примѣровъ на такое *те* въ разсказѣ Леси Украинки: «Приязнь» — въ «Кіевской Старинѣ» 1905, окт., стр. 13, 14, 15 и т. д.). Вмѣсто обычнаго «я та вів» можно на Волыни услышать: «*я ке вів*» (черезъ промежуточную стадію: «я тä вів»),—явленіе, которое было отмѣчено (помнится, г. Коробкою) въ одномъ изъ первыхъ томовъ «Живой Старины».— Замѣчу мимоходомъ, что общемалорусское чередованіе эвфемизма для penis virilis: «*к*абака» и «*т*абака» обязано своимъ появленіемъ повидимому не столько вліяніямъ семасіологическимъ, сколько фонетическому чередованію *кä* и *тä*. (Срв. и въ великорусскомъ нарѣчіи произношеніе этого слова со звукомъ *е*, а не только со звукомъ *а*. Даль: «Толковый словарь», т. IV, М. 1866, стр. 361).

4) См. корреспонденцію въ кіевской малорусской газетѣ «Громадська Думка», 1906, № 86, стр. 4, гдѣ оказываются параллельно обѣ формы. Еще ср. форму «Вер*т*ïївка» (съ *т*) въ «Громадській Думці» 1906, № 108 и № 159, и «Вер*к*ïївка» (съ *к*)—въ ней же, № 190 и въ «Шершені» 1906, № 24.

и «я́клик» вм. «дя́тлик»; а глаголъ, означающій «назойливо канючить», «долбить», произносится сплошь да рядомъ «якли́ти» (вм. «ятлити», «дятлити») [1]). Да и начальный слогъ этихъ существительныхъ и этого глагола (*ja* вм. *дя*) выразительно говоритъ о существованіи, прежде, промежуточной стадіи: *гя*. Чередующаяся форма имени «*К*елимон» и «*Т*елимон» (Пантелеймонъ) извѣстна, съ обычной перегласовкой *е* на *а*, отъ Кіевщины до крайняго сѣверо-востока Слободской Украины (срв. какъ «*К*алимон», такъ и «*Т*алимон» — у Квитки). Другой такой общеизвѣстный примѣръ чередованія *т* и *к*—«с*т*ирта» и «с*к*ирта». Въ Кіевщинѣ существуетъ ругательство: «лю*к*ре!» (въ смыслѣ «безбожный», «безсовѣстный»), которому соотвѣтствуетъ западно-малорусское лю*т*ре» [2]). — Въ судьбѣ звука *д*, обращающагося у малоруссовъ въ звукъ ґ, можно отмѣтить даже кое-какое дальнѣйшее развитіе, а именно: въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевщины (и вообще восточной Украины) звукъ ґ произносится уже съ трудомъ, тамъ мы для замѣны звука *д* не разъ слышимъ уже не звукъ ґ, а близкій къ нему звукъ *к*; такъ, въ Кіевщинѣ вмѣсто «на-Дми́тра» (т. е. «въ день св. Димитрія»=«на-Дьми́тра») говорятъ теперь: «на-*К*митра», а вмѣсто «маю на пре*д*меті» (mam na przedmiecie) произносятъ: «маю на пре*к*меті» [3]). — Что этотъ законъ о смѣшеніи мягкихъ *т* и *д* съ *к* и *г* есть вполнѣ малорусская черта, не навѣянная изъ Великороссіи, это лучше всего доказывается рѣчью галицкихъ горцевъ-гуцуловъ, никогда

1) Фонема «якіл» печатно засвидѣтельствована черниговскими «Этнографическими матеріалами» Б. Д. Гринченка, на что онъ самъ любезно обратилъ мое вниманіе. Глаголъ «яклити» употребленъ черниговцемъ Номисомъ при объясненіи къ пословицѣ № 12.153 его сборника: «Українські приказки, прислівья і таке инше» (Спб. 1864, стр. 238).

2) Это есть, собственно, звательный падежъ отъ «лютор» (р. п. «лютра»), первоначальный смыслъ котораго — «лютеранинъ» (срв. зап.-мр. «перейти на лютра» = перейти въ лютеранство).

3) Такъ какъ параллельно съ этимъ выраженіемъ имѣется равносильное ему другое: «маю на приміті» (=на примѣтѣ), то взаимодѣйствіе обоихъ выраженій привело къ образованію новаго существительнаго женск. р.: «прекме́та» (или «прикме́та»), со значеніемъ «примѣта». Это новое существительное ж. р. вошло даже въ литературную рѣчь.

не знавшихъ великорусскаго вліянія. Такъ наз. «покутскій» галицкій говоръ систематически замѣняетъ каждое мягкое *д* на ґ (ґід, ґівка=дѣдъ, дѣвка), а каждое мягкое *т* на *к* (*к*істо, в ха*к*і= тѣсто, въ хатѣ) [1]).

Относительно звука т въ имени «Мартьянъ» надо впрочемъ оговориться, что онъ (въ противность категорическому утвержденію г. Соболевскаго) можетъ объясняться вовсе не чередованіемъ звуковъ *к* и *т*. У насъ нѣтъ твердыхъ основаній думать, что имя «Мар*т*ьянъ» равносильно имени «Мар*к*іанъ», а напротивъ есть основанія думать, что «Мартьянъ» есть сокращеніе имени «Мар*тин*іанъ». По крайней мѣрѣ, въ февральской минеѣ XV вѣка (хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи № 584) подъ 13-мъ февраля (л. 130) оказывается житіе преподобнаго «Мартиана черноризьца», въ этотъ день празднуется память св. Мартиніана, не Маркіана, и все помѣщенное тамъ житіе есть житіе именно св. Мартиніана.

IV.

«Затѣмъ», продолжаетъ г. Соболевскій свою статью, «въ Начальной лѣтописи (по западно-русскимъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ) названіе рѣки въ Переяславской области, хорошо извѣстное въ Кіевѣ, звучитъ «*Ольто*», несомнѣнно изъ «Льто» (что̀ сохранено Лаврентьевскимъ и Ипатскимъ списками). Въ немъ мы имѣемъ неорганическое *о*, появляющееся въ подобныхъ случаяхъ въ великорусскихъ и отчасти въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и не встрѣчающееся въ малорусскомъ [это неправда. *А. Кр.*]. Оно могло войти въ старшіе списки лѣто-

1) **Огоновскій**: Studien, стр. 77. Множество примѣровъ можно найти въ матеріалахъ, издаваемыхъ Ученымъ Обществомъ имени Шевченка въ его «Етноґрафічному Збірнику».

писи, кіевскіе, лишь подъ вліяніемъ живого произношенія, также кіевскаго, и изъ нихъ уже перейти въ списки не кіевскаго происхожденія»[1]).

Что «*О*льто», съ призвукомъ *о*, есть очевидная черта старокіевскаго говора, въ этомъ г. Соболевскій, конечно, правъ. Но только ничего противомалорусскаго въ этой чертѣ нѣтъ. Г. Соболевскій долженъ былъ бы вспомнить, что и Волынь, малоруссизмъ которой онъ ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній, тоже передѣлала свой лѣтописный городъ «Вручий» (подъ 6485—977 г. и сл.) на «*О*вручъ»[2]). Дѣло въ томъ, что неорганическій призвукъ *о* вполнѣ свойственъ малорусской рѣчи, что должно быть извѣстно каждому великоруссу, читавшему Гоголя и встрѣчавшему тамъ имена «*О*кса́на» (= Ксенія) и «*О*дарка» (= Дарья). Объ этомъ г. Соболевскій могъ бы справиться въ популярной школьной грамматикѣ малорусскаго языка проф. Ом. Огоновскаго, гдѣ нашелъ бы приведенное, въ видѣ примѣра, «*о*лжа́» (=лжа, ложь)[3]), а кромѣ того г. Соболевскій нашелъ бы объ этомъ свѣдѣнія въ общеизвѣстной книгѣ того же проф. Огоновскаго, знакомство съ которой безусловно обязательно для всякаго, кто поднимаетъ діалектологическіе вопросы: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880). Въ этой книгѣ малорусскій при-

---

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 319—320.

2) Теперь употребляется только форма «Овруч» (съ призвукомъ). Но еще къ началу XVI вѣка свободно чередовались обѣ формы: съ призвукомъ *О*, и безъ призвука. Такъ, въ жалов. грам. 1496 г. великаго князя Александра намѣстникамъ Овручскому и Звягольскому мы параллельно находимъ: «намѣстнику *В*руцкому», «*В*ручей»—и «в *О*вруцкомъ повѣте». То же въ спискѣ грамоты его же 1498 г., входящемъ въ кіевскую книгу кгродскую 1736 г. (№ 47, л. 308): «земенынъ *В*руцкий» — и «въ *О*вруцкомъ месте». Польская копія съ жалованной грамоты Александра 1503 г., внесенная въ Овручскую книгу кгродскую 1717 г. (№ 3224, л. 93), содержитъ въ себѣ: «starcu *W*ruckemu»—и «pod miastem *O*wruczym».

3) Ом. Огоновскій: Граматика [мало]-руского языка для школъ середнихъ (Львôвъ 1889), стр. 25, § 72. Слово «*о*лжа» вовсе не специально-галицкое: оно очень обычно у Кулиша. Глаголъ «*о*лгати» (несов. вида, вм. «лгати») фигурируетъ и въ думѣ про Азовскихъ братьевъ: «А будемо ми, брате, перед отцем, перед маткою *о*лгати» (Антоновичъ и Драгомановъ, т. I, стр. 119).

звукъ *О* отмѣченъ въ рубрикѣ: Vorschlag von Vocalen (стр. 54—55, § 14), причемъ приведены и кое-какія свидѣтельства памятниковъ (напр., овшейкы=вшейкы, укр. всенькі, — изъ галицк. грамоты 1457 г.), и подчеркнуты также такіе малорусскіе примѣры, какъ «*о*боріг» (=польск. bróg), «*ó*желедь, *о*желедиця» (=жлѣдица), «*о*селедець» (śledź) и др. Кромѣ того, стоило бы г. Соболевскому лишь слегка перелистать общедоступный «Малоруско-нїмецкий словарь» Желеховскаго (Львовъ 1886) въ отдѣлѣ буквы *О*, — и передъ нимъ воочію предсталъ бы длинный рядъ такихъ типичныхъ малорусскихъ формъ (типа «*о*лжа»), какъ «*о*ртуть» (=ртуть); горно-гал. «*о*бʼрва» (=брва, брова; бровь); гал. «*о*рів (=рів; очевидно при родительномъ «орва», украин. «рóва»); «*о*мшáр» (=мшар; мѣсто, поросшее мхомъ); «*о*рханції» (особыя желѣзныя колечки, — тоже, что «рʼханції», «рихванції»); «*о*ждиґан» (кій; = персидско-тюрк. джиґан, джуґан, جوكان); «*о*кпило» (=кпило; насмѣшливый обманщикъ); «*о*грашка» (иронич. названіе для лихорадки; =грашка, играшка), «*о*реля» (качель=реля) и множ. др.; заслуживаютъ вниманія названія двухъ горъ: «*О*пчи́на» (=бъчина, бочка) и «*О*стих» (=нѣм. Stich; у Желех. «Гостих»)[1]. Полагаю, что всѣ эти выписки изъ школьныхъ руководствъ и настольнаго словаря[2]) избавляютъ меня отъ необхо-

---

1) Прдыханіе h есть, какъ извѣстно, вещь въ малорусскомъ языкѣ обычная, и она свидѣтельствуетъ лишь о гомъ, что неоргавическій гласный призвукъ *о* въ томъ или другомъ словѣ появился давно. Срв. примѣры изъ Кіевщины: «У пана він *го*прáва рука» (=правая рука), и тамъ же, въ извѣствой купальской пѣснѣ: «...Іванко лежить, в *го*правій руцї Марійку держить» (=въ правой рукѣ). Иногда вмѣсто h призвукъ о свабжается призвукомъ *в*, какъ, напр., въ словѣ «*в*орвіль» (нарывъ), которое отмѣчено и у Желеховскаго.

2) Предлагаю также раскрыть какой-нибудь номеръ кіевской малорусской газеты, чтобы найти соотвѣтствующіе примѣры. Напр. въ одномъ изъ послѣднвхъ №-овъ «Громадськоі Думки» (№ 69, стр. 3, столб. 3) ваходимъ вмѣсто «блискавку» (=молнію) форму съ призвукомъ: «облискавку», а въ другомъ вомерѣ три раза находвмъ «отрýвок» вм. «трунок» (=животъ). См. № 90, стр. 2. Вмѣсто обычнаго «блакить» (=синева, польск. błękit) мы тамъ читаемъ «*о*блакить» (№ 153, стр. 1, въ фельетовѣ). Въ одной взъ послѣдвихъ квигъ журнала «Нова Громада» встрѣчаемъ, локальво-полтавское «опорóк» вм. «порóк» (въ пословвцѣ: «Бідність ве опорóк», 1906, іюль, стр. 72). И т. п., и т. п.

димости засыпать г. Соболевскаго тою *массою* примѣровъ на малорусскій призвукъ *о*, которые я могъ бы предложить ему изъ своихъ личныхъ записей, собранныхъ въ Кіевщинѣ [3]).

V.

Покончивши съ якобы-великорусскими фонетическими особенностями Кіевской лѣтописи (сплошь и сугубо малорусскими, какъ мы видѣли!), г. Соболевскій рѣшается усмотрѣть великоруссизмы въ с л о в а р н о м ъ запасѣ Кіевской лѣтописи. Такихъ будто бы немалорусскихъ словъ онъ находитъ три. Онъ говоритъ:

«Начальная и Кіевская лѣтописи пользуются: словомъ *старѣйшина* съ позднѣйшимъ значеніемъ одного человѣка, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры [въ видѣ «старшина»] употребляютъ его лишь въ древнѣйшемъ значеніи собирательномъ [это не такъ. *А. Кр.*]; — *зоря* въ значеніи: заря, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры знаютъ его только [нѣтъ! *А. Кр.*] въ значеніи: звѣзда;—словомъ *лошадь*, чуждымъ [и это не такъ. *А. Кр.*] малорусскому нарѣчію» [1]).

Изъ помѣтокъ, сдѣланныхъ мною въ скобкахъ, читатель уже видитъ, что утвержденія г. Соболевскаго не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Они свидѣтельствуютъ только о практическомъ незнакомствѣ г. Соболевскаго съ самыми обыденными и частыми словами малорусскаго языка, а кромѣ того заставляютъ пожалѣть, что филологъ способенъ съ необыкновенной смѣлостью компрометтировать себя фактически-невѣрными утвержденіями, тогда какъ двѣ-три минуты справокъ, хотя бы просто по сло-

---

3) Въ моей «Украинской грамматикѣ» о неорганическомъ призвукѣ *о*, см. отдѣльную рубрику въ главѣ: «Пріемы малорусскаго благозвучія», § 42 и слѣд.

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 320.

варю, могли бы его избавить отъ непріятности компрометтировать себя.

Всякій малоруссъ знаетъ, что малорусское слово «старшина» *всецѣло* соотвѣтствуетъ кіевскому лѣтописному «старѣйшина», во *всѣхъ* его значеніяхъ. Подобно тому, какъ въ языкѣ Кіевской лѣтописи слово «старѣйшина» значитъ: и начальство въ собирательномъ смыслѣ (срв. Лавр. сп., стр. 16: «рѣша старѣйшина»), и *одинъ* начальникъ (срв. Лавр. сп., стр. 38: «призва старейшину конюхомъ, — онъ же рече»), — такъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ мѣстностей слово «старшина» имѣетъ и собирательный смыслъ («уся старшина», — въ этомъ случаѣ оно ж. р.) и *единичный* смыслъ [1]). Беремъ, для примѣра, малорусскій переводъ ветхозавѣтной Библіи [2]), раскрываемъ его гдѣ-нибудь наудачу въ тѣхъ частяхъ, которыя переведены уроженцемъ коренной Кіевщины, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ и великимъ сторонникомъ своего родного среднекіевскаго говора Ив. Сем. Левицкимъ, — ну, хоть «Другу книгу Паралипоменон» на стр. 415-ой, — и сейчасъ же найдемъ: «зібрав Соломон старшин*и* Ізрайлев*і*» (V, 2), «прийшли *всі* старшин*и* Ізрайлев*і*» (V, 4). Посмотримъ книгу Эзры, въ переводѣ опять-таки Ив. Сем. Левицкаго, на стр. 455—456: «приступ*или* до мене старшин*и*» (IX, 1), «і встав Ездра й звелів старшин*ам* поклястись» (X, 5), «присудом старшин та начальників» (X, 8), «наш*і* старшин*и* (X, 14), «нехай приход*ять* з ними старшин*и* з кожного міста» (ibid.). Посмотримъ переводъ Евангелія — черниговца Кулиша, — и тамъ то же: «Ось приходить *один* із школьн*их* старш*ин*, на ймя Яір» (отъ Марка, V, 22), «приходять від школьн*ого* старшин*и*» (ib., V, 35), «школьн*ому* старшин*і*» (ib., V, 36), «до школьн*ого* старшин*и*» (V, 38), «*сей був* старшин*ою*» (Луки, VIII, 41), «від шкільн*ого* старшин*и*» (ib.,

1) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» главу: «Родъ именъ существительныхъ», рубр. 8-ую.

2) Пользуюсь Вѣнскимъ изданіемъ 1903 г.

VIII, 49). Совершенно то же найдемъ и въ переводѣ волынянки Леси Украинки: «дочку *одного* старшини» [1]). У полтавца Гр. Коваленка въ его «Оповіданнях з української старовини» мы множество разъ встрѣчаемъ: «козацьк*і* старшин*и*» (= им. множ.), «козацьк*ий* старшин*а*» (ед. ч. для *одного* лица), «обрати нов*их* старш*ин*», «на новий рік вибіра*ли*ся наново старшин*и*, а стар*их* судили, а як вон*и* бул*и* винн*і*, то й карали», — наряду, конечно, съ «козацька старшина» (= собират.) [2]). Итакъ ясно, что «старшина» можетъ означать по-малорусски и одного человѣка. Да достаточно было бы г. Соболевскому раскрыть «Малоруско-нїмецкий словар» галичанина Желеховскаго, т. II, стр. 916, и прочитать: «Старшина́ — der Aelteste, Senior».

И слово *«зоря»*, въ противоположность утвержденію г. Соболевскаго, значитъ по-малорусски не только «звѣзда», но и «заря». Примѣровъ на это могъ бы найти г. Соболевскій сколько угодно, въ области ли народной думы («Безпечно спать полягали — сьвітової зорі дожидали; став божий сьвіт сьвітати — стали вони на коні сідати» — въ думѣ о побѣгѣ трехъ Азовскихъ братьевъ) [3]), въ области ли народной пѣсни («Вийшли в поле косарі — косить рано до зорі́»), въ области ли народной поговорки («нї сьвіт, нї зоря́»), въ области ли стихотворной литературной рѣчи (срв. «Блиснула зоря́ — білїють поля» — у Кулиша въ «Досьвіткахъ») [4]), въ области ли беллетристики («А стала зоря розсьвітати... Катря й каже: Вже сонце, день» — у Марка-Вовчка въ «Трьох долях») [5]); наконецъ г. Соболевскій могъ бы узнать, что́ значитъ по-малорусски «зоря» просто даже изъ нагляднаго разсмотрѣнія заглавной виньетки съ *восходящимъ солнцемъ* на извѣстномъ львовскомъ

1) Моріс Верн: Евангеліє, переклала з французького Л. У. (Львів 1905), стр. 8, — въ серії «Лїтературно-Наукова Бібліотека», ч. 111.

2) См. журналъ «Рідний Край», 1906, № 29 (стр. 4—5) и слѣд.

3) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. I (Кіевъ 1874), стр. 119.

4) См. по изданію 1876 г. (въ Кіевѣ), стр. 196, въ поэмѣ «Великі проводи», пѣсня 5-я, I.

5) По петербургскому изданію 1862 г., см. т. II, стр. 149.

журналѣ «Зоря» [1]), который издавался «Науковим Товариством імени Шевченка» и довольно долго былъ литературнымъ средоточіемъ всей малорусской литературы, или изъ виньетки тоже съ восходящимъ солнцемъ на журналѣ «Зоря», который сталъ издаваться въ Россіи съ 1906 года послѣ отмѣны тридцатилѣтнихъ неслыханныхъ стѣсненій, давившихъ малорусскую литературу. Интересно, что виньетка на галицкомъ журналѣ «Зоря», согласно двойному значенію слова «зоря» въ малорусскомъ языкѣ, чередовалась: иногда это было восходящее солнце, иногда яркая звѣзда. Въ Львовѣ существуетъ ассоціація малорусскихъ ремесленниковъ, подъ наименованіемъ «Зоря»; по нѣмецки имя этой ассоціаціи переводится «die Morgendämmerung». Въ словарѣ Желеховскаго «зоря» переведено (сверхъ Stern): «Morgenröthe, Tagesanbruch, Aurora» (т. I, стр. 314).

Что касается третьяго слова: *лошадь*, употребленнаго въ Кіевской лѣтописи, то и здѣсь г. Соболевскій не имѣлъ бы ни малѣйшаго основанія видѣть великоруссизмъ, если бы зналъ оттѣнки малорусской синонимики. Какъ разъ вѣдь дѣло стоитъ наоборотъ утвержденію г. Соболевскаго, и именно въ способѣ употребленія *этого* слова проявляется тонкая малорусскость Кіевской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что для обозначенія тѣхъ животныхъ, которыя у великоруссовъ огульно называются общимъ именемъ «лошадей», есть въ Кіевской лѣтописи не одно, а *два* слова: славянское «кони» и монгольское «лошади» (это послѣднее слово вложено въ уста Владиміру Мономаху подъ 6611—1103 г. на Долобскомъ съѣздѣ по поводу лошадей смердовъ), причемъ оба слова означаютъ въ кіевской лѣтописи неодинаковыя понятія. Разница между кіевско-лѣтописнымъ «конь» и кіевско-лѣтописнымъ «лошадь»—какъ разъ такая, которой нѣтъ у великоруссовъ и которая, напротивъ, и теперь сохраняется въ живой рѣчи той же сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины, гдѣ совершались лѣтописныя событія. Вѣдь въ великорусскомъ

1) Онъ былъ иллюстрированъ съ 1891 года.

нарѣчіи лошадьми могутъ называться всѣ equi, всякаго достоинства, — отъ жалкой клячи до молодцоватой кавалерійской лошади, до породистыхъ заводскихъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. Не то въ Кіевской лѣтописи. Хорошія и обыкновенныя лошади называются тамъ исключительно «кони», «конѣ» (какъ и у современныхъ малоруссовъ «коні»), а вотъ заморенная лошадь *смерда* называется монгольскимъ терминомъ *«лошадь»*. Это жъ и есть малоруссизмъ, потому-что и рѣчь современныхъ малоруссовъ строго сохранила упомянутую лѣтописную разницу между славянскимъ и монгольскимъ сло́вомъ. Примѣняя терминъ монгольскій, современный малоруссъ, подобно Владиміру Мономаху, влагаетъ въ него извѣстный оттѣнокъ пренебреженія или снисхожденія, указывающій на нѣчто мелкорослое, слабое. Въ виду представленія о мелкорослости и слабости, включеннаго въ смыслъ этого слова, оно (т. е. монгольское «лошадь» съ родительнымъ «лоша*ди*») успѣло пріурочиться у малоруссовъ къ формѣ уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ «ят»: жеребенокъ называется по-малорусски всюду «лоша» (род. п. «лоша*ти*»), — лучшее доказательство малорусской исконности этого слова! Тотъ же оттѣнокъ мелкорослости и слабосильности вложенъ и въ смыслъ другихъ родственныхъ малорусскихъ словъ этого корня: «лошу́н», «лоши́ця» (=лошаденка) и т. п.[1]). Въ Полтавщинѣ слово «лоши́ця» есть даже спеціальный terminus technicus: такъ называютъ полтавцы кобылу по второму и третьему году, т. е. не совсѣмъ еще окрѣпшую. Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Кіевщинѣ и на Волыни) слово «лошиця», «лошичка» значитъ (сколько я наблюдалъ) просто лишь «лошаденка»[2]). Замѣтимъ, что эти слова употребляются и въ Австрійской Украинѣ, въ закоулкахъ Карпатскихъ горъ[3]), свидѣтельствуя этимъ фак-

1) См. перечень въ словарѣ Желеховскаго, т. I, стр. 414.

2) Срв., между прочимъ, употребленіе словъ «лошиця» и «лошичка» въ недавнемъ разсказѣ «Заживки» Ворона-Вильчинскаго, изъ пограничья Волыни и Подоліи (Громад. Думка» 1906, № 155).

3) Сверхъ Желеховскаго см. буковинскій словарь О. Поповича (Червівці, 1904), стр. 130.

томъ о своей глубокой малорусской архаичности. Въ архаичныхъ говорахъ нынѣшнихъ «смердовъ» Черниговщины, «лошади» которой попали благодаря рѣчи Владиміра Мономаха въ лѣтопись, можно услышать и ласкательно-увеличительное слово: «лошадюга».

Сверхъ этихъ трехъ словъ: «старѣйшина» (м. р.), «зоря» и «лошадь», г. Соболевскій не указываетъ больше ни одного якобы «великоруссизма» въ Начальной и Кіевской лѣтописи, но зато дѣлаетъ голословное подстрочное замѣчаніе: «Читающій Начальную и Кіевскую лѣтописи поражается близостью ихъ синтаксиса и словаря къ великорусскому матеріалу» [1]).

О какомъ «читающемъ» идетъ рѣчь? О такомъ ли, который подобно г. Соболевскому знаетъ только великорусское нарѣчіе, а малорусскаго *не знаетъ*?.. Или о такомъ, который основательно знаетъ *оба* нарѣчія? — Если рѣчь идетъ о второмъ, то я (природный малоруссъ изъ Кіевщины, безукоризненно знающій свою родную рѣчь, и притомъ филологъ, кропотливо изучившій исторію малорусскаго языка) могу заявить, что близость кіевско-лѣтописнаго синтаксиса и кіевско-лѣтописнаго словарнаго запаса къ великорусскому матеріалу можетъ быть усмотрѣна *лишь* такая, какая вообще можетъ существовать между малорусскимъ и великорусскимъ синтаксисомъ и словаремъ.

Въ особенности поразительна первая половина утвержденія г. Соболевскаго: про синтаксисъ. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы г. Соболевскій хотѣлъ своими словами сказать, будто въ кіевской лѣтописи онъ нашелъ *спеціально-великорусскій* синтаксисъ. Такое заявленіе никогда не могло бы быть поддержано со стороны г. Соболевскаго реальными доказательствами. Повторяю, что, зная очень твердо, какъ современный, такъ и старый малорусскій языкъ, а въ частности рѣчь моей родной Кіевщины, я рѣшительно заявляю г. Соболевскому въ этомъ органѣ Академіи Наукъ, передъ лицомъ всего ученаго славянскаго міра, что

1) Извѣстія, указ. мѣсто, стр. 320.

г. Соболевскій не въ состояніи будетъ указать во всей Начальной и Кіевской лѣтописи *ни одного* синтактическаго оборота, который былъ бы *спеціально* великорусскимъ и отсутствовалъ бы или въ современной или въ старинной малорусской рѣчи. А кто не помнитъ замѣчательной характеристики *стиля* кіевской лѣтописи великорусса Соловьева, который такъ рельефно отличаетъ живой малорусско-сангвиническій стиль кіевской лѣтописи отъ сухого, дѣловитаго стиля великорусскихъ лѣтописей?!

Точно также, что касается словарнаго запаса старокіевской лѣтописи, то, какъ мы видѣли, г. Соболевскій могъ выудить въ лѣтописи только три якобы великорусскихъ слова, и тѣ при провѣркѣ оказались сугубо-малорусскими. Если же онъ ощущаетъ сходство отдѣльныхъ (малорусскихъ) словъ кіевской лѣтописи съ отдѣльными словами, выхваченными въ раздробь изъ того или другого великорусскаго нарѣчія, то не мѣшало бы г. Соболевскому имѣть въ виду, что *нѣтъ* такого великорусскаго нарѣчія, въ которомъ кіевско-лѣтописныя слова констатированы были бы въ большей или меньшей *совокупности*. Я же, малоруссъ, наоборотъ поражаюсь замѣчательной *совокупной* близостью старокіевской рѣчи къ современной рѣчи сѣверной и средней Кіевщины. Множество предметовъ и понятій въ нынѣшней сѣверной и средней Кіевщинѣ XX вѣка до сихъ поръ сохранили огромной массой то же свое старинное названіе, какое они имѣли въ кіевской лѣтописи XI—XIII вѣка, — тогда какъ въ Великороссіи эти же слова (да и то далеко не всѣ) если и можно разыскать, то развѣ по одиночкѣ, въ раздробь: одно слово найдется въ одномъ великорусскомъ говорѣ, другое — въ другомъ; найдутся они въ говорахъ разнаго типа, въ отдаленныхъ другъ отъ друга говорахъ и употребляются въ совсѣмъ разныхъ концахъ Великороссіи, а никакъ не суммарно и цѣльно въ одномъ какомъ-нибудь великорусскомъ говорѣ[1]). И вполнѣ очевидно для всякаго

---

1) При помощи *сборнаго* «Толковаго словаря живого великорусскаго языка (со включеніемъ бѣлорусскаго!)» Даля, очень не трудно натаскать изъ разныхъ великорусскихъ закоулковъ великорусскія (+ бѣлорусскія!) слова, сходныя не

безстороннягo судьи, что близость между лѣтописно-кіевскимъ словаремъ и тою великорусскою агломератною словарной кучкой, которая *мозаично и разрозненно* будетъ надергана изъ совершенно неблизкихъ другъ къ другу разныхъ великорусскихъ говоровъ, не можетъ быть равной по цѣнѣ съ *массовою* близостью малорусскаго словарнаго матеріала современно-кіевскаго (сѣверной и средней Кіевщины) со словарнымъ матеріаломъ кіевсколѣтописнымъ. Это надо сказать даже про категорію словъ, наиболѣе склонныхъ къ измѣненію: про названія домашнихъ предметовъ, названія животныхъ, растеній, цвѣтовъ и т. п., которыя такъ поразительно сходны въ домонгольской Кіевщинѣ лѣтописной и въ малорусской Кіевщинѣ нынѣшней [1]). И я сомнѣваюсь, чтобы *непредупрежденный* великоруссъ, видя съ одной стороны—*суммарную* близость старо-кіевскую и *нынѣшне-кіевскую* (поразительную суммарную словарную близость!), а съ другой стороны—видя лишь *искусственно составленную* близость съ *великорусскимъ* словаремъ, достигнутую при помощи *мозаичныхъ* надергиваній изъ Даля или изъ старорусскихъ «Матеріаловъ» Срезневскаго, согласился признать въ старо-кіевскомъ словарѣ свое великорусское достояніе. Я убѣжденъ, что, въ виду такого положенія дѣлъ, какая-нибудь кіевско-лѣтописная *«котъка»*, сидящая на *«присѣпѣ»* и умильно глядящая на *«голубьникъ»*, пока не будетъ облита *укропомъ* изъ *гълька*, или вспугнута *«хъртъ»*'-омъ, покажется для безтенденціознаго великорусса не великорусской кошкой, а предкомъ нынѣшней кіевской «кітки», сидящей на

только съ малорусскими, но и съ другими славянскими, — скажемъ, даже болгарскими. Гдѣ-нибудь на холодномъ сѣверѣ можно выудить даже такое, казалось бы, типично-болгарское слово, какъ «голѣмъ» (=большой); срв. вятское «голя́мый» (=высокорослый, верзило).

1) Я имѣю въ виду главнымъ образомъ только то пространство нынѣшней Кіевской губерніи, которое тянется лишь до р. Роси, служившей и въ старину южнымъ предѣломъ Кіевскаго Полянскаго княжества. Южнѣе же р. Роси нынѣшнее малорусское населеніе — ужъ пришлое, происходящее не только изъ средней и сѣверной Кіевщины, но и съ запада. Самое нарѣчіе къ югу отъ р. Роси кое-въ-чемъ ужъ отличается отъ нарѣчія средней и сѣверной Кіевщины, являющагося чистымъ потомкомъ стараго полянскаго.

«присьпі» и глядящей на «голубник» (=голубятникъ). «Гълькъ»[1]) окажется современнымъ кіевскимъ «глеком» (=кувшиномъ) и «укропъ»—не огороднымъ растеніемъ (какъ прежде всего склоненъ былъ бы подумать нынѣшній великоруссъ), но просто кипяткомъ (что легко можетъ разъяснить любая сельская баба изъ Кіевщины); а кіевско-лѣтописный «хъртъ» будетъ для безтенденціознаго великорусса несомнѣннымъ предкомъ нынѣшнихъ кіевскихъ «хортів» (=охотничьихъ собакъ), который и въ X—XII вѣкѣ, какъ и его малорусскій потомокъ-«хорт» теперь, устраивалъ «*ловы*» (=мр. «лóви», т. е. охоту) на «погану котьку» (=мр. «погану кітку»), словно на «*вьверицю*» (=мр. «вивірицю», т. е. бѣлку). Пусть великоруссъ посмотритъ и на внѣшній обликъ «*господаря*» (мр. «господар»=хозяинъ) этого лѣтописнаго «хорта»: пусть посмотритъ на старокіевскаго княжескаго «*меченошу*» (мр. «меченóша»=меченосецъ), въ роскошной «*лудѣ*» (мр. «луда»=Deckmantel, или мр. «луда́н»=mit Gold reich gesticktes Unterkleid); у такого «меченоши» за спиной или у бока найдется, пожалуй, и «*топоръ*» (мр. «топір»—особое оружіе), оплетенный у рукояти для удобства «*паворозами*» (мр. «павороза», «поворозa»=шнурокъ)[2]). А чтó это за лѣтописный «топоръ», объ этомъ могутъ разсказать даже нынѣшніе обезоруженные малоруссы «козацкаго сословія» съ сѣверной стороны Кіева, но еще лучше будетъ справиться у горца-гуцула, который вамъ съ полной точностью и наглядностью объяснитъ, какое это оружіе—лѣтописный «топоръ» и нынѣшній малорусскій «топір» (персид. تبر): какъ ни какъ, его надо всежъ отличать отъ дровосѣцкаго оружія «сокири» (лѣтоп. «сѣкыра», «секыра»), которой *тялися* лѣтописныя «*трѣскы*» и рубятся (мр. «тнуться») соврем. малорусскія «тріски» (=щепки). Про послѣднія (лѣтописныя «трѣскы») можно было бы навѣрное справиться вонъ-тамъ за кіевской лѣтописной

1) Беру это слово изъ Несторова «Житія Ѳеодосія Печерскаго».

2) Интересно, что и по-малорусски и по лѣтописно-кіевски слово «павороза» есть женскаго рода, тогда какъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ оно попадается, сколько извѣстно по словарямъ, лишь въ мужескомъ родѣ.

«рѣнью» (мр. «рінь» = отмель), возлѣ лѣтописной *«гати»* (мр. «гать» = плотина, запруда), гдѣ и въ лѣтописный періодъ работаютъ съ «сѣкырами» и *«лыскарями»* (мр. «лискар, рискаль» = заступъ) кіевско-лѣтописные *«паробъкы»*, предки нынѣшнихъ кіевскихъ «паробків», одѣтые такъ же, какъ и нынѣшніе «паробки», зимою въ *«кожухы»* (мр. «кожух» = тулупъ), а лѣтомъ — въ свои типичныя *«свиты»* (мр. «свита» = сермяга) изъ *«вълны»* (мр. «з вовни» = шерстяныя)...

Сколькихъ нынѣшнихъ великоруссовъ изъ разъединенныхъ провинціальныхъ захолустій, изъ-за три-девяти земель отъ Кіевщины, пришлось бы вмѣстѣ собрать для того, чтобы они совмѣстными силами съумѣли объяснить на основаніи живого великорусскаго языка если не всѣ, то хоть нѣкоторыя изъ этихъ кіевскихъ лѣтописныхъ словъ, свободно объясняемыхъ изъ нынѣшней кіевской малорусской рѣчи! А подобныхъ словъ можно набрать изъ Кіевской лѣтописи цѣлую гору, — и нефилологи-великоруссы, обыкновенная публика, будутъ чувствовать себя передъ этимъ старо-кіевскимъ словаремъ, выражаясь по лѣтописному, *«невѣгласами»* (мр. «невіглас» = невѣжда). Только по капелькамъ, одно по одному, эти слова (и то не всѣ) могутъ быть выисканы въ разрозненныхъ великорусскихъ говорахъ или въ старыхъ великорусскихъ рукописяхъ, — да и тамъ часто подъ сомнѣніемъ, не заимствованы ли они изъ южнорусскихъ оригиналовъ. И все же въ концѣ концовъ окажутся и въ Кіевской лѣтописи, и въ другихъ спискахъ кіевскихъ памятниковъ *исключительно-малорусскія* слова и обороты, извѣстные *только* у малоруссовъ [1]), совершенно чуждые великоруссамъ. Да ужъ передъ однимъ союзомъ та (въ смыслѣ «и»), который мы знаемъ въ лѣтописной рѣчи Бориса и Глѣба и Владиміра Мономаха и въ рѣчи нынѣшихъ малоруссовъ, великоруссъ, остановится въ

1) Въ лучшемъ случаѣ — и у бѣлоруссовъ, потому-что бѣлорусскій словарный запасъ близокъ къ малорусскому. Извѣстно, что Миклошичъ и другіе считаютъ бѣлорусское нарѣчіе вѣтвью малорусскаго, а не великорусскаго.

недоумѣніи; и старые великорусскіе памятники, не знаютъ союза **та** въ смыслѣ «и» [1]), въ противность старымъ памятникамъ малорусскимъ, въ томъ числѣ и западнымъ, исконную малорусскость которыхъ признаетъ и г. Соболевскій [2]). Гдѣ, кромѣ Малороссіи, «горсть» называется «пригорща»? А вѣдь такъ (*«пригръща»*) оно называется въ Несторовомъ «Житіи Ѳеодосія» [3]). Можетъ ли какой-нибудь великорусскій говоръ похвалиться, что *«ничить трава жалощами»* въ Словѣ о полку Игоревѣ (оно составлено или въ Кіевѣ, или въ Черниговѣ) есть для него буквально-родная великорусская фраза? А современный малоруссъ Кіевщины и Черниговщины и сейчасъ буквально такъ скажетъ [4]). Но особенно интересно посмотрѣть на кіевско-лѣтописное слово *«лѣпокъ»* и связанное съ нимъ сказаніе.

Дѣло происходитъ въ новооснованномъ Печерскомъ «манастырѣ» (=манастирі), гдѣ святые подвижники, набожно спасаясь каждый въ своей «печерѣ» (=печері) и съѣдая въ день лишь по скудной «єдиной проскурцѣ» (=по єдиній проскурці), приготовленной часто даже изъ «жита» (=із жита, т. е. изо ржи), а не изъ бѣлаго «борошьна» (=мр. «борошна», т. е. муки́), достигали дара чудесъ. Старецъ Матвѣй получилъ тамъ даръ прозорливости. И одинъ разъ, стоя на всеноіцномъ богослуженіи въ церкви «предъ зо̀рями» (=перед зорями), старецъ увидѣлъ, ка́къ по церкви ходитъ бѣсъ-служитель въ образѣ разряженнаго ляха, «въ лудѣ» (=в луді, — или быть мо́жетъ, = в жупанї-луданї), и онъ носитъ «въ приполѣ» (=в при́полї) цвѣтки, «иже глаголется *лѣпокъ*». На кого изъ молящейся братіи бѣсъ-ляхъ бросить цвѣтокъ-«лѣпокъ» и къ кому этотъ цвѣтокъ при-

---

1) См. матеріалъ, сопоставленный въ древне-русскомъ словарѣ Срезневскаго, III, стр. 909.

2) Между прочимъ укажемъ употребленіе та (въ смыслѣ «и») въ буковинскихъ грамотахъ XV в. (см. Уляницк. № 95, № 105 и др.).

3) По изд. Поповымъ списку XII—XIII в., л. 29 б. См. у меня «Филологія и Погодивская гипотеза», стр. 66—69. Ср. еще словарь Срезневскаго, т. II, стр. 1397.

4) Срв. у Кулиша въ «Досьвітках» (по изд. 1876 г.), стр. 20 (=Кумейки, VI).

станетъ, тотъ сейчасъ начинаетъ дремать и уходитъ изъ церкви въ келью. Этотъ лѣтописный разсказъ [1]) общеизвѣстенъ, но никто до сихъ поръ изъ русскихъ ученыхъ не далъ разъясненія, что́ это за «лѣпокъ» [2]), потому-что никакой цвѣтокъ нигдѣ въ Великороссіи, ни въ одномъ великорусскомъ нарѣчіи, не называется «лѣпкомъ», а къ рѣчи современныхъ кіевскихъ малороссовъ обратиться не догадались. Въ современной же Кіевщинѣ (какъ впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Украины) «лı̈по́к»— это Asperula (растеніе изъ семьи Rubiaceae, научно переводимое по русской книжной ботанической терминологіи словомъ «шерошница»). «Лı̈пком» въ Кіевщинѣ называется — какъ грубая Asperula Aparine (по-великорусски «сеплюга», по-польски ostrzyca), такъ и пріятная Asperula odorata (по-великорусски «ясменникъ», или «есмяникъ», по-польски marzanka wonna) [3]). Судя по лѣтописному контексту, обаятельный «лı̈пок», находившійся у бѣсовскаго ляха «в приполı̈», былъ Asperula odorata, т. е. ясменникъ.

---

1) См. нъ Лаврент. сп. стр. 184—185 (подъ 6582 г. = 1074); въ Ипат. сп., стр. 134. Въ Печерскомъ Патерикѣ, по изданію В. Яконлена (1872), см. стр. 77—78.

2) Такъ, слонарный указатель предметовъ, приложенный къ археологическому изданію Лаврентьевскаго списка (подъ ред. акад. Бычкова), объясняетъ: «Лѣпки—приноротное зелье» (стр. 53).—Такой же указатель къ изданному той же Археографической коммиссіей Ипатьевскому списку гласитъ: «лѣпокъ— цнѣтокъ» (стр. 6). — Неподписанное московское переизданіе: «Лѣтопись преп. Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ слоnаря древнихъ русскихъ слонъ» (М. 1864) совсѣмъ пропускаетъ въ слонарѣ (на стр. 168) слоно «лѣпокъ», какъ неподдающееся точному разъясненію. — Очевидно по той же причинѣ не ношло ово и въ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» А. Дювернуа (М. 1894), срв. стр. 92. Въ «Матеріалахъ для словаря древнерусскаго языка» И. Срезненскаго находимъ то же недоумѣніе: «Лѣпъкъ—названіе цвѣтка... можетъ быть, репей»; т. II (Спб. 1902), стр. 74.

3) Въ «Малоруско-нı̈мецкім словарі» галичанина Желеховскаго слово «лı̈пок» переведено только: Asperula odorata. Но я изъ личнаго опыта знаю, что нъ Кіевщинѣ «лı̈пком» называется не только Asperula odorata, но и Asperula Aparine, въ особенности чѣмъ дальше къ югу, къ степямъ. (А начивая съ границы Херсонской губерніи и далѣе по южной степи душистая Asperula odorata перестаетъ даже назыnаться «лı̈пок», и называется тамъ она ужъ «остудник» (такъ же «смı̈лка»); подъ «лı̈пком» тамъ понимаютъ ужъ одну грубую Asperula Aparine).

VI.

Свои замѣтки о мнимой немалорусскости Начальной и Кіевской лѣтописей г. Соболевскій заканчиваетъ заявленіемъ, что имъ «чужды обычныя малорусскія слова, какъ *кохати*, *гай*, *кѣтъ* (съ *к*)».

Но вѣдь словъ *кохати* и *кѣтъ* нѣтъ также ни въ галицко-волынской лѣтописи, ни въ галицкихъ и волынскихъ грамотахъ и ни въ одномъ удостовѣренномъ старо-галицкомъ или старо-волынскомъ памятникѣ, — и однако даже г. Соболевскій не рѣшается сдѣлать отсюда выводъ о непринадлежности старыхъ галичанъ и волынянъ къ малоруссамъ. Надо, конечно, полагать, что и *кохати* и *кѣтъ* издавна существовали какъ въ старомъ Кіевѣ, такъ и на Волыни съ Галичиною, но они не попали въ лѣтописи, въ грамоты и вообще на письмо въ силу чисто случайныхъ причинъ. Вѣдь не весь словарный домонгольскій матеріалъ старой Кіевщины съ Черниговщиною, Волыни и Червонной Руси переданъ намъ тѣми немногочисленными письменными памятниками, которые до насъ дошли.

Намекъ на слово *кохати*, отсутствующее въ подлинныхъ галицкихъ и волынскихъ памятникахъ, г. Соболевскій видитъ въ собственномъ имени *Коханъ* писца «Житія Савы Освященнаго» XIII в. и произвольно называетъ рукопись этого житія «галицко-волынской». Если мы даже согласимся съ г. Соболевскимъ, что собственное имя писца есть въ самомъ дѣлѣ, страдательное причастіе отъ «кохати» [2]) и притомъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ именъ, которыя усвоены отъ поляковъ, то и тогда г. Соболевскій долженъ будетъ сперва доказать, что переписчикъ «Житія Савы Освященнаго» былъ галичанинъ или волынянинъ. Ру-

1) «Извѣстія», 1905, кн. 1, стр. 320.

2) Это имя легко можетъ быть простой передѣлкой общеизвѣстнаго тюрко-хазарскаго خاقان или قاغان, извѣстнаго еще въ орхонскихъ надписяхъ.

копись эта найдена въ Палестинѣ, и въ ней ни слова не сказано о томъ, ктó и откуда былъ ея писецъ. Всѣ филологи, кому приходилось имѣть дѣло съ нею, въ одинъ голосъ заявляютъ, что это не можетъ быть памятникъ ни галицкій, ни волынскій[1]). Пока г. Соболевскій не докажетъ противнаго, ссылаться на этотъ спорный памятникъ для рѣшенія какого бы то ни было спеціальнаго вопроса о рѣчи галичанъ и волынянъ—не приходится.

Но если для слова «кохати» г. Соболевскій съумѣлъ предложить ссылку хоть на какой-нибудь сомнительный документъ, представляющій хоть нѣкое отдаленное подобіе аргумента, то по отношенію къ слову *квѣтъ* онъ даже и этого сдѣлать не могъ: нѣтъ такихъ старыхъ галицкихъ или волынскихъ памятниковъ, гдѣ бы попадалось это слово съ буквою *к*. Мы впрочемъ не понимаемъ, почему слово *квѣтъ*, присущее и нарѣчію бѣлорусскому[2]) и великорусскому (псковск., тульск., смоленск., курск., воронеж.)[3]), въ данномъ случаѣ снисходительно признается г. Соболевскимъ за достаточную мѣрку для установленія немалорусскости той рѣчи (= кіевской), въ памятникахъ которой это слово *не* окажется (хотя бы случайно). Когда дѣло касается наличныхъ малоруссизмовъ стараго Кіева, г. Соболевскій не бываетъ такимъ уступчивымъ. Или, быть можетъ, онъ не зналъ, что слово *квѣтъ* существуетъ въ великорусскихъ говорахъ?

Еще большее недоумѣніе возникаетъ у насъ по поводу той рѣшающе-діалектологической роли, которую г. Соболевскій придаетъ слову *гай*. Оно извѣстно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ, и великорусскому въ томъ числѣ[4]). Микло-

---

1) Они готовы отнести его къ Кіеву, но это невозможно, потому что «Житіе Савы Освященнаго» содержитъ въ себѣ черты, рѣзко противорѣчащія языку безспорныхъ кіевскихъ памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. Тщательное изученіе «Житія Савы» не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшихъ сомнѣній, что переписчикъ былъ бѣлоруссъ.

2) Старѣйшій бѣлорусскій документальный примѣръ—вѣроятно, тотъ, который имѣется въ спискѣ «Привилея 1499 г. мѣсту Менскому». (=№ 68 въ Мухановскомъ сборникѣ, М. 1836): «квѣтъ мушкатовый» (стр. 96).

3) Толковый словарь Даля, 1865, т. II, стр. 719.

4) Словарь Даля, т. I, стр. 301 (1863 г.).

шичъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ съ полнымъ основаніемъ называетъ это слово старо-славянскимъ[1]). Къ нему есть параллель и въ литовскомъ gojus, и во многихъ европейскихъ языкахъ, и въ средневѣковой латыни[2]). Не можетъ быть сомнѣнія, что это праславянское слово, донынѣ распространенное отъ Адріатическаго моря до Тамбова, было извѣстно и старому Кіеву. Но, только, какую же рѣшающую силу для выясненія этнологіи древняго Кіева можетъ оно имѣть?

VII.

Собственно вотъ и все, что я долженъ былъ указать г. Соболевскому по поводу его сомнѣній на счетъ малорусскости старокіевскаго *домонгольскаго* говора. Но въ статьѣ г. Соболевскаго есть еще одна, небольшая глава, посвященная двумъ кіевскимъ монастырскимъ помянникамъ періода ужъ не домонгольскаго, а гораздо болѣе поздняго: конца XVI вѣка. Суть этой главы—въ томъ, что на спорадическихъ формахъ нѣсколькихъ именъ какъ-бы великорусскаго и бѣлорусскаго типа, внесенныхъ въ помянники какимъ-то монахомъ или богомольцами, которые могли приходить въ Кіевъ на поклонъ отовсюду и которые, въ томъ числѣ, могли конечно приходить и изъ Бѣлоруссіи и изъ Великоруссіи, г. Соболевскій хочетъ построить доказательство, будто даже въ концѣ XVI вѣка Кіевъ не былъ еще малорусскимъ. Между тѣмъ общій фонъ кіевскихъ помянниковъ — рѣзко малорусскій, и кишатъ они спеціально малорусскими именами.

Ужъ просто съ методологической стороны этотъ пріемъ г. Соболевскаго не выдерживаетъ критики. Мало ли вѣдь изъ

1) Etymologisches Wörterbuch, стр. 59.

2) Срв. Leges Langobard., Bothar. CCCXXV: «Si quis accipitres de silva alterius tulerit, excepto de gajo regis, habet sibi». См. у Срезневскаго: «Матеріалы для древне-русс. слов.», т. I, стр. 508.

какихъ концовъ православнаго міра могли приходить богомольцы на поклонъ славнымъ кіевскимъ святынямъ и даже поступать въ монастыри[1])! И можно ли по именамъ пришлыхъ богомольцевъ, записывающихся въ помянникъ или по записямъ монаховъ «зъ Москви» (какъ они титулуются въ кіевскихъ помянникахъ) заключать объ этнографической принадлежности коренного кіевскаго населенія? А на какомъ языкѣ говорило тогдашнее коренное кіевское населеніе, объ этомъ мы легко можемъ судить по подлиннымъ тогдашнимъ памятникамъ изъ Кіевщины: они — малорусскаго характера. Достаточно вспомнить грамоту кіевскаго князя Семена Олельковича, писанную въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459 году[2]). Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для «зоставленья» его при «всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его», «которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали». Грамота эта полна типичныхъ малоруссизмовъ, такихъ какъ замѣстительная долгота («при всюи», «при томъ всюмъ», «ȣнъ» (= онъ), смѣшеніе ы и и («оними», «малими», «дидизни» = дѣдизны), смѣшеніе ѣ и и («дидизнѣ», «завшенъемъ»), смѣшеніе в и ꙋ («ꙋпадаеть» вмѣсто «впадаеть»), протетическій призвукъ и («изъ лѣсомъ», «изъ головою», «изъ стѣнъками»), такія формы, какъ «боудетъ хотѣвъ», «ознаймуемо», «дали есмо», «съ обудвухъ», «зо всѣмъ тымъ» и т. п. Какъ видимъ, вокругъ Кіева жили тогда чистѣйшіе малоруссы.

Располагая такими достовѣрными памятниками, какъ грамоты, которыя свидѣтельствуютъ о малорусскости тогдашней Кіевщины[3]), мы могли бы не придавать ни малѣйшаго значенія

---

1) Мы очень часто находимъ въ этихъ кіенскихъ помянникахъ совершенно ясныя обозначенія: «Анисіи *з Москвы*», «Агрипины *Московки*», «Евдоксіи, иноки *з Москвы*, з столицы», «Соѳіи инокини *з Москвы*», «Аѳанасіи, иноки *з Москвы*», Семиона *Москаля*», «іеромонаха Аѳанасія (Лексей *Московский*)» и пр., и пр.

2) Срв. о ней у меня въ «Филологіи и погодинской гипотезѣ», стр. 82.

3) Перечень ихъ см. въ моей «Украинской грамматикѣ», § 7, в и слѣд., въ главѣ: «Источники».

богомольческимъ помянникамъ XVI вѣка, содержи они въ себѣ даже наполовину имена немалорусскія. На самомъ дѣлѣ однако помянники вовсе не изобилуютъ антималоруссизмами. Самъ г. Соболевскій не оспариваетъ того, что *общій* фонъ кіевскихъ помянниковъ есть малорусскій. И даже тотъ коротенькій перечень именъ, который выуженъ изъ него г. Соболевскимъ въ качествѣ именъ типа великорусскаго или бѣлорусскаго, составленъ имъ ошибочно: плохо зная малорусскую рѣчь и ея фонетику, г. Соболевскій отнесъ къ немалорусскимъ имена, являющіяся вполнѣ обычными вообще у малоруссовъ, а въ частности — очень употребительныя и въ Галичинѣ (съ Подоліей), исконную малорусскость которой никогда и г. Соболевскій не рѣшался оспаривать. Такими вполнѣ малорусскими именами (а не бѣлорусскими и не великорусскими, какъ того желалъ бы г. Соболевскій) оказываются:

а) Алекс*е*й — со звукомъ *е*. Прошу взять любую галицкую малорусскую газету — и убѣдиться, до чего имя «Алекс*е*й» обычно у галицкихъ малоруссовъ. Для примѣра беремъ какіе-нибудь номера газеты «Руслан» за нынѣшній 1906 годъ; въ № 31-омъ читаемъ: «Алекс*е*й Лебедович — в с. Манастирі, Ярославского деканату» (стр. 4); въ № 58-омъ: «Ходить чутка, що Алекс*е*й тяжко занедужав» (стр. 4). Объ аналогичномъ малорусскомъ имени «Мак*е*й» (=Мокій) мы скажемъ ниже. То же легко найти въ «галицко-волынскихъ» рукописяхъ. Напр., въ волынской записи 1740 г. изъ-подъ Острога, типично-простонародной малорусской (*ô* изображается черезъ ѣ!), сдѣланной на Язловецкомъ евангеліи Волынскаго епарх. музея, мы читаемъ: «при Алекс*е*ю Мандзюкови» (л. 113 об.).

б) Имена со звукомъ *л* вмѣсто *в*, — такія, какъ «Е*л*тухъ» вмѣсто «Е*в*тухъ» и «Е*л*химъ» вмѣсто «Е*в*химъ». Въ кіевскомъ помянникѣ XVI в. оказываются записи: «Е*л*туфій», «Е*л*химъ» и «Е*л*фимія»,—и г. Соболевскій вспоминаетъ при этомъ, что «это *л* изъ *в* нерѣдкость въ южно-великорусскихъ говорахъ Орловской

и Курской губерніи, гдѣ говорятъ: А*л*дотья, А*л*дакея, А*л*дакимъ» [1]). Не къ чему вспоминать *аналогичныя* великорусскія имена со звукомъ *л*, если мы находимъ у малоруссовъ со звукомъ *л тѣ самыя* имена, которыя приведены въ кіевскомъ помянникѣ. Достаточно было бы г. Соболевскому вспомнить мѣстечко «Я*л*тушків» Подольской губерніи недалеко отъ г. Бара, чтобы убѣдиться въ полной малорусскости именъ со звукомъ *л* изъ *в*. По грамотамъ имя «Е*л*тухъ» можно констатировать впервые въ перемышльской (галицкой) жалованной граматѣ якобы кн. Льва 1302 г., поддѣланной въ Перемышлѣ не позже XV вѣка (когда эта грамота была оффиціально подтверждена польскимъ правительствомъ): «до Ю*л*ътуховы росохы», «отъ Ю*л*ътуховы». Имя «Е*л*химъ» впервые попадается (сколько помню) въ малорусской Кобринской грамотѣ 1465 г. [2]). Появленіе у малоруссовъ XV—XVI в. звука *л* вм. в мы по документамъ можемъ констатировать не только въ этихъ двухъ именахъ собственныхъ, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Луцкомъ (=зап.-волынск.) актѣ 1583 года [3]) вторникъ названъ «во*л*торокъ» (= соврем. «вівторок»). Мы ужъ и не говоримъ о нефонетическихъ случаяхъ появленія звука *л* въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ прош. вр. въ малорусскихъ памятникахъ XVI вѣка. Такъ, въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Язловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волынскомъ епарх. музеѣ, очень нерѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: «послѣди же приступи*л*ше два лъжасвѣдитель рѣша», «приступи*л*ше стоящіи рѣша», «они же приступи*л*ъше», «и остави*л*ъша его отидоша», «тогда ученици остави*л*ъше его бѣжаше», «многым лъжесвѣдителямъ приступи*л*ъшимъ» и пр., и пр.

в) Имя «Мала*ф*ей», или «Мало*ф*ей» (= Малахія), съ написаніемъ *ф* вмѣсто *х*. По мнѣнію г. Соболевскаго, это—великорус-

1) «Извѣстія», стр. 321.

2) Кобринская грамота 1465 г. изд. въ «Актахъ, относ. до исторіи Южн. и Зап. Росс.», т. I, № 226, въ копіи XVI вѣка.

3) «Русская Бесѣда», 1857, т. III, 37.

сизмъ и антималоруссизмъ. Но вѣдь такую же орѳографію мы находимъ и въ галицкихъ грамотахъ: «Малоѳьй» — въ запродажной грамотѣ 1409 г., «Малоѳѣй» — въ Зудечовской грамотѣ 1421—1430 г. Обѣ грамоты изданы печатно[1]), и познакомиться съ ними было бы не трудно. Вообще малоруссы, какъ въ старину, такъ и теперь—часто пишутъ въ иностранныхъ словахъ букву *ф* вмѣсто *х* въ силу стремленія писать якобы этимологично и изъ страха впасть въ вульгаризмъ. Писецъ-священникъ Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. обратилъ на письмѣ г. Іерихонъ въ «Ериѳонъ» (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія—въ «Амфилоѳья» (л. 156). Въ рукописи XVII вѣка кіевскаго Софійскаго собора (№ 130) боязнь вульгаризма заставила писца написать *ф* даже въ своемъ родномъ корнѣ «страхъ»: «велми грозно страѳовалъ» (л. 158; = запугивалъ).

г) «Са*л*амонъ» и «Са*л*амія». Звукъ *а* (вмѣсто *о*) въ этихъ именахъ чрезвычайно употребителенъ въ малорусскомъ произношеніи въ силу уподобленія предыдущему слогу, а вовсе не есть признакъ аканья, какъ думаетъ г. Соболевскій. Срв. въ рукописномъ галицкомъ сборникѣ виршей около 1780-го года, принадлежащемъ Ив. Франку: «Са*ла*мона-князя» [2]). До настоящаго времени въ Галичинѣ преобладаетъ въ этомъ имени употребленіе звука *а*, а не *о*. Извѣстенъ недавній галицкій церковный дѣятель Са*ла*монъ Щасный. — Не есть результатъ аканья также присутствіе буквы а въ записи помянника: «Евд*а*кимъ» и «Евд*а*кѣя», потому что въ самыхъ чистыхъ малорусскихъ говорахъ мы можемъ донынѣ услышать не только «Явд*о*ки́м», но и «Явд*а*ки́м» (по ассимиляціи второго слога съ начальнымъ слогомъ), причемъ имѣется также уменьшительная форма съ ударнымъ звукомъ *а* (Евд*а́*к, Явд*а́*к)[3]), устраняющая всякую мысль объ аканьи.

1) См. по изд. Головацкаго № 30 и № 40.

2) См. «Жите і Слово» 1894, кн. I, стр. 47.

3) См. «Рідний Край», 1906, № 44, стр. 14.

д) «*Са*фонъ», «*Ма*кей», «*Ра*діонъ», «*Фа*тіанъ». Буква *а*, написанная помянниками въ этихъ именахъ, тоже не есть признакъ аканья, въ противность мнѣнію г. Соболевскаго. Первое имя сближено съ «Іоасафъ», второе—пріурочено къ словамъ «макъ» и «Маковей», третье —къ словамъ «радъ», «радіти», четвертое—къ корню «хвать», — и въ нихъ самые чистые малоруссы донынѣ произносятъ *а*. Отъ «Макей» существуетъ даже особая типичная уменьшительная форма «Макейша» и, извѣстная на Подольи, фамилія «Макейшенко»; срв. документъ крестьянина-собственника Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи Ковалёвской волости — Ивана М*а*кейшенко [1]); звукъ *е* въ этомъ имени, представляющійся г. Соболевскому немалорусскимъ, какъ видимъ, оказывается тоже вполнѣ малорусскимъ [2]). Написаніе «Фатіянъ» съ буквою *а* можемъ указать въ галицкомъ сборникѣ апокрифовъ XVII вѣка изъ коллекціи И. Франка [3]). Въ имени «*Ра*дивон» употребленіе малоруссами звука *а* можетъ считаться даже всецѣло господствующей нормою, и, напримѣръ, село Чигиринскаго уѣзда, оффиціально пишущееся «*Ро*діоновка», называется жителями «*Ра*дивонівка». Со звукомъ *а*, а не съ *о*, это имя фигурируетъ ужъ и въ наиболѣе старыхъ дошедшихъ до насъ галицкихъ грамотахъ. Такъ, въ Перемышльской купчей грамотѣ 1359 года читаемъ: «Купилъ панъ Петрашъ дѣдицтво панъны *Ра*дивонъковоѣ» [4]). — Что звукъ *а* въ этомъ имени (и въ

---

1) Изданъ П. Чубинскимъ въ VI томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Спб. 1872 г., стр. 312—313.

2) Да и вообще многія малорусскія имена (и слова) обладаютъ двумя параллельными формами: на *ій* и *ей*. Сверхъ упомянутыхъ здѣсь «Макей» и «Олексей» напомнимъ такія общеизвѣстныя имена, какъ «Андр*ій*» (род. «Андр*ія*» параллельно съ «Андр*ей*» (род. «Андр*ея*»), «Маков*ій*» (род. «Маков*ія*») параллельно съ «Маков*ей*» (род. «Маков*ея*») и пр.

3) См. по изданію И. Франка: «Пам'ятки українсько-руськоï мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 276.

4) Грамота и печатно издана,—плоховато впрочемъ,—у Як. Головацкаго: Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго (Львовъ 1867), № II, стр. 5, и у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), стр. 353.

аналогичныхъ) не есть результатъ аканья, видно также изъ памятниковъ óкающихъ нарѣчій великорусскихъ; «Радивонъ» и прочія подобныя имена встрѣчаются въ Новгородскихъ и Двинскихъ грамотахъ XIV вѣка[1]).

е) Ничего противомалорусскаго не содержатъ въ себѣ также имена кіевскихъ помянниковъ, начинающіяся на *А*: *А*ксенья (или *А*ксинья), *А*вдотья, *А*лиферій (и спеціальнѣе — «*А*леѳерь зъ Остря»), *А*ноФрей, *А*нисимъ, *А*нисифоръ и тому подобныя имена, въ которыхъ начальный звукъ *А* или оказывается эвфоническимъ протезисомъ (срв. *А*ксенія — Ξενία), или соотвѣтствуетъ греческимъ Е и О (срв. *А*леѳерь — Ἐλευθέριος, *А*нисимъ — Ὀνήσιμος). Г. Соболевскій многократно повторяетъ[2]), будто бы начальное *А* этихъ именъ есть результатъ великорусскаго áканья. Аканьемъ это не могло бы быть ужъ просто потому, что áканье, какъ признаетъ самъ г. Соболевскій[3]), возникло лишь въ XIV вѣкѣ, — между тѣмъ вышеотмѣченное появленіе начальнаго *А* мы можемъ наблюдать еще въ памятникахъ XI вѣка. Такъ, въ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка греческое Ὀλύμπιος передано черезъ «*А*люмпьскъи» (л. 284, об.), а греческое Ναδάβ — черезъ «*А*надавъ» (л. 256)[4]), затѣмъ имя «*А*лимпій», «*А*лимпіада» часто попадается въ галицкихъ памятникахъ, — между прочимъ въ недавно изданномъ апокрифическомъ сборникѣ XVII вѣка[5]), почти одновременномъ съ кіевскими помянниками. Имя «*А*лиферій» (съ *А*) укажемъ въ галицкомъ апокрифѣ XVIII вѣка Ивана Кузикевича[6]). Галицкое начертаніе «*А*нуфрий» встрѣчается въ т. н.

---

1) См. напр. тотъ матеріалъ, который представляетъ собою коллекція Румянцевскаго музея № 67.

2) Извѣстія, стр. 323; Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, май, стр. 49; Лекціи, 1903, стр. 79.

3) Лекціи, 1903, стр. 75.

4) «Слова Григорія Богослова» XI в., кстати сказать, почти навѣрное писаны въ Червоной Руси. Срв. мою «Украинскую грамматику», § 6.

5) «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 275, 285.

6) «Пам'ятки», т. IV, стр. 84.

грамотѣ князя Льва Галицкаго Лавровскому монастырю якобы ҂ѕѠ года, поддѣланной не позже 1448 года[1]). Буква *А* въ имени «*А*нисимъ» (и притомъ въ спеціально-малорусской формѣ «Г*а́*нусъ», съ несомнѣннымъ *удареніемъ* на *А*) есть естественное общемалорусское начертаніе и встрѣчается по памятникамъ очень часто, будутъ ли это памятники кіевскіе (срв. купчую грамоту Станислава Г*а*нусовича ок. 1467 г., бывшаго о́к. 1471 года кіевскимъ воеводой)[2]), или будутъ ли это памятники западно-малорусскіе (срв. пана Шимка Г*а*нусовича въ ровенской волынской грамотѣ 1488 г., внесенной въ Луцкую кгродскую книгу 1569 г. № 2043, л. 81). Что касается XVI вѣка, то букву *А* въ этихъ именахъ мы легко можемъ найти не только въ помянникахъ кіевскихъ монастырей, но и въ помянникахъ западно-малорусскихъ. Срв. начертаніе «*А*ксенія» на первомъ же листѣ помянника при галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI вѣка, хранящемся теперь въ Волынскомъ епарх. музеѣ[3]). Ту же особенность этихъ именъ мы наблюдаемъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ нарѣчій: и теперь эти имена начинаются то съ *О*, то съ *А*. Всегда ли преобладаетъ въ нихъ *О*, сказать трудно. Конечно, форму «*О*нисько» мы встрѣчаемъ несравненно чаще, чѣмъ торжественное «*А*нисим», и даже, чаще, чѣмъ простое неторжественное «Г*а*нус», но «*А*рехвір» не болѣе рѣдко, чѣмъ и «*О*лехвір»; «*А*вдотя» едва ли можетъ считаться болѣе рѣдкимъ именемъ, чѣмъ «Вівдя» (изъ «*О*вьдя»); если «*А*ксенія» не столь обычно, какъ «*О*ксана», то производная фамилія «*А*ксюк» (=сынъ Ксеніи) слы-

1) Въ 1448 году эта грамота была ужъ подтверждена королемъ Казиміромъ. Списокъ имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ, № 68 л. 5.

2) См. коллекцію Румянцовскаго музея, № 68, л. 5.

3) Какъ этотъ галицкій Язловецкій помянникъ, такъ и другіе старинные зап.-мр. помянники вообще изобилуютъ и другими тѣми же формами личныхъ именъ, которыя г. Соболевскій отмѣчаетъ въ помянникахъ кіевскихъ въ качествѣ, яко бы, великоруссизмовъ. Тутъ же на 1-ой стр. Язловецкаго помянника г. Соболевскій могъ бы найти и «Парасковію» (а въ дарственной записи послѣ л. 15 даже «Парасковею»), и «Еремея» и т. п. формы, которыя онъ считаетъ антималорусскими. Послѣднее имя (Еремей) встрѣчается, кстати сказать, и въ буковинской грамотѣ 1442 и 1444 года. (=Улян. № 56 и № 58).

шится теперь вездѣ только съ *А*, поскольку я могъ это прослѣдить [1]); фамилія «*О*ксаненко» чередуется съ «*А*ксаненко» (срв. газету «Рада» 1906, № 66, стр. 3; № 67, стр. 3.

Итакъ о немалорусскости этихъ именъ (съ начальнымъ *А*) не можетъ быть и рѣчи. Но для исторіи малорусскаго языка вообще, и кіевскаго нарѣчія въ частности, можетъ быть не лишнимъ обсужденіе причинъ, вызвавшихъ здѣсь появленіе звука *А*. Фонетически или не фонетически онъ здѣсь развился?

Быть можетъ, отчасти дѣйствовали тутъ и нѣкоторые законы фонетическіе. По поводу возникновенія формы «*А*ксенія» вмѣсто «Ксенія» можно вспомнить, что малорусскому языку вѣдь присущъ эвфоническій протезисъ *А*,—положимъ, гораздо менѣе обычный, чѣмъ протезисъ *О* и *И*, но все же констатируемый; срв. галицк. «*а*врýкати» (=томно ворковать) вмѣсто «врýкати». Въ параллель къ старинной передѣлкѣ «Элевѳерія» въ «*А*лиферия» и въ «*А*рехвіра» и «Онисима» въ «*А*нисúма» и «*Гá*нуса» можно вспомнить нынѣшнее малорусское вульгарное произношеніе «*а*гоїзм» (чит. «ahojizm) вмѣсто «эгоизмъ» и систематическое произношеніе «*А*дéс» вмѣсто «Одесса».

Повидимому, однако, главной причиной появленія звука *А* въ именахъ вышеотмѣченнаго типа были вліянія нефонетическія: аналогія другихъ именъ. Мы знаемъ, что греческія имена, начинавшіяся съ *А* (напр. Ἀλέξανδρος), переходили на Русь какъ въ книжно-церковной формѣ «*А*лександръ», такъ и въ болѣе народной формѣ «*О*лександръ»; срв. въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г.: «*О*льксандръ Македонъ» (л. 258 α, наряду съ «Александръ»). Обѣ формы такихъ именъ одинаково усвоивались древними русинами, и тѣ пріучались къ мысли, что каждое подобное имя можетъ одновременно имѣть *два* вида: и болѣе «про-

---

1) Въ фамиліи «*О*ксенович», напротивъ, повидимому, всецѣло возобладалъ звукъ *О*. Съ буквою *О* пишется эта фамилія и въ кіевскихъ памятникахъ XVII в. (извѣстенъ ректоръ кіевской Могилянской коллегіи Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, ученикъ Петра Могилы).

стую» форму—съ начальнымъ *О*, и болѣе торжественную, болѣе «правильную» форму—съ начальнымъ *А*. Такое свое воззрѣніе о «правильности» начальнаго *А* и о вульгарности начальнаго *О* они невольно примѣняли и ко всѣмъ прочимъ именамъ съ начальнымъ *О*, каково бы ужъ ни было происхожденіе того зачиннаго *О*. Этимъ проще всего и объясняется то обстоятельство, что «Ксенія» (Ξενία), обратившись на древнерусской почвѣ сперва въ «*О*ксенію» (съ эвфоническимъ протезисомъ *О*), немедленно пріобрѣла себѣ и параллельную, якобы «правильную» форму: «*А*ксенія»; по той же причинѣ къ формѣ «*О*в[в]дотья» (Εὐδοχία) была создана параллельная мнимо-правильная форма «*А*вдотья». Въ особенности трудно было устоять отъ образованія подобной лжеправильной «а́кающей» формы тогда, когда святцы содержали въ себѣ сверхъ какого-нибудь имени, писавшагося съ *О*, подобозвучное другое имя, писавшееся (вполнѣ этимологически) съ *А*. Такъ, въ женскомъ имени «*А*нисія» начальное *А*—этимологически вполнѣ правильно (происходитъ оно отъ греческаго глагола ἀνύω, = «совершаю» откуда существительное ἄνυσις), а между тѣмъ это имя въ высшей степени напрашивается на то, чтобы его сочли за женскій родъ отъ «Онисимъ» (греч. Ὀνήσιμος, отъ глагола ὀνίνημι) и чтобы Онисима обратили въ *А*нисима,—равно какъ Онисифора въ *А*нисифора. Возможно даже, что звукъ *А* въ имени *А*нисимъ появился еще на почвѣ греческой, гдѣ нарицательныя прилагательныя разныхъ корней, но одинаковаго значепія,—«ὀνήσιμος» и «ἀνύσιμος» (=пригодный),—смѣшались въ живомъ словоупотребленіи грековъ [1]).—Къ тому же звукъ *А* въ имени «*А*нисимъ» (оно же «*Га́*нус», съ удареніемъ на *Га́*) долженъ былъ укрѣпиться у малоруссовъ не безъ вліянія имени прянаго растенія *А*nysum stellatum, которое по-русски называется «анисъ», по-малорусски «*га́*нус», и изъ котораго до-

---

1) Нѣкоторымъ подтверждевіемъ этой догадки можетъ служить довольно обычная православно-арабская форма انيسموس (чит. «Анісімос») этого имени, усноеннаго арабами отъ православныхъ грековъ. Другая арабская форма— اونيسيموس (чит. Онісімôс).

нынѣ приготовляется знаменитая «ганускóва горілка» (=анисовка).—Въ имени «*А*нисифоръ» (по-простонародному «*Анци́*пер») звукъ *А* могъ у малоруссовъ укрѣпиться еще по одной добавочной причинѣ. Въ вульгарномъ произношеніи первоначально-правильная форма имени «Онисифоръ» изстари обратилась въ «Он*ци*поръ» (срв., напр., въ Скиргайловой грамотѣ 1390 года)[1],—и вотъ эту начальную половину имени: «*Онци*....» малоруссы смѣшали съ тѣмъ начальнымъ «Анци», которое у нихъ звучало и звучитъ въ цѣломъ рядѣ словъ (срв. «анци́христ»=антихристъ, «анци́болот»=болотный духъ).—Имя «*А*рехвір» (обратимъ вниманіе на присутствіе звука *р* послѣ *А*), параллельное съ «Орехвір» и съ «Олехвір», возникло, надо полагать, не безъ вліянія имени «Ареѳа» (Ἀρέθας), слишкомъ достопамятнаго для южноруссовъ по Печерскому Патерику[2]). А ужъ и подавно могъ вспомнить чернеца Ареѳу и букву *А* въ его имени тотъ кіевскій *чернецъ* XVI вѣка, который внесъ въ помянникъ имя «*А*леѳеря зъ Остря». Разумѣется, однако, что онъ могъ бы это сдѣлать и помимо вліянія аналогіи имени «Ареѳа»: просто, привыкнувши обращать на письмѣ каждаго просто «*О*лексу» въ торжественнаго «*А*лексѣя» и каждаго простого «*О*лександра» въ торжественнаго «*А*лександра», могъ онъ и «*О*лехвіра» записать въ священный помянникъ «*А*леѳеремъ», или «*А*леѳеріемъ», даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ въ началѣ этого имени произносилъ не звукъ *А* (какъ другіе малоруссы), но звукъ *О*.

Впрочемъ, какъ бы ни объяснять, фонетически или нефонетически, присутствіе звука *А* въ именахъ «*А*вдотья», «*А*ксенія» и пр.,—остается непоколебимымъ тотъ фактъ, что ихъ зачинное *А* не стоитъ ни въ какой связи съ великорусскимъ или бѣлорусскимъ «áканьемъ» и вполнѣ присуще малорусскому языку, въ томъ числѣ галицкимъ и волынскимъ говорамъ.

---

1) Изд. въ «Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западвой Россіи» (СПБ. 1863), т. I, стр. 2.

2) См. Кіево-Печ. Патерикъ по изд. Яковлева, стр. 107 и слѣд.

VIII.

Мы разсмотрѣли всѣ аргументы г. Соболевскаго, сколько-нибудь носящіе характеръ новизны. Это разсмотрѣніе лишній разъ подтвердило, что старо-кіевскій говоръ есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья.

А. Крымскій.

Звенигородка, Кіевской губерніи
27 апрѣля 1906 года.
